

Annotation

Героиню этой повести зовут Маргаритой, но когда она была маленькой, она сама переименовала свое имя. Сейчас она уже большая, ей скоро исполнится семь, но она так и осталась для всех Мадикен. А Маргаритой ее зовут только тогда, когда она что-нибудь натворит, и ей строго выговаривают за провинность. И называют ее так довольно часто, ведь что ни день — у нее новая проделка. Она очень хочет быть послушной, но у нее, увы, никак не получается!

- [Астрид Линдгрен](#)
 - [Летний день в Юнибаккене](#)
 - [Рикард](#)
 - [Экскурсия «Не выходя за калитку»](#)
 - [Очень приятный печальный день](#)
 - [Лисабет запикивает себе в нос горошину](#)
 - [Мадикен проверяет свои способности к ясновидению](#)
 - [Вот ветер, вздымая метель, налетел...](#)
 - [Рождество в Юнибаккене](#)
 - [Иосиф в колоде](#)
 - [Прадаец хороших малинький раб](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

Астрид Линдгрен
Мадикен

Летний день в Юнибаккене

Мадикен живет в большом красном доме возле речки. Еще там живут мама и папа, сестричка Лисабет, черный пудель Сассо и котенок Гося. Да еще Альва. Мадикен и Лисабет живут в детской, Альва в комнате для прислуги, Сассо в прихожей, где стоит его корзинка, а Гося на кухне около плиты. Мама живет во всем доме, где угодно, и папа тоже, но только он каждый день уходит в газету, сидит там и пишет, чтобы людям было что почитать.

По-настоящему Мадикен зовут Маргаритой. Но когда она была маленькой, она сама переименовала свое имя. Сейчас она уже большая, ей скоро исполнится семь, но она так и осталась для всех Мадикен. А Маргаритой ее называют только тогда, когда она что-нибудь натворит и ей строго выговаривают за провинность. И называют ее так довольно часто.

Элисабет всегда зовут Лисабет, она не доставляет старшим столько хлопот, и ее гораздо реже приходится отчитывать. Зато у Мадикен на уме одни проказы, а что из них получится, она наперед не думает и только уж после начинает жалеть и раскаиваться.

Мадикен очень хочет быть хорошей и послушной девочкой, но у нее никак не получается!

— Что за ребенок! — говорит Линус Ида. — Больно скоро на проказы. Поросянок моргнуть не успеет, а у нее уже — раз, и готово!

Сушью правду говорит Линус Ида!

Линус Ида приходит в дом по пятницам стирать и мыть полы. Сегодня тоже пятница, и Мадикен сидит на мостках и смотрит, как Линус Ида полощет в речке белье. У Мадикен радостно на душе, у нее полный кармашек желтых слив — бери и ешь сколько хочешь. Мадикен болтает ногами в воде и поет Линус Иде песенку:

А Б В Г
Снег был на дворе,
Кошка по снегу прошла —
То, мой друг, любовь была,

Д Е Ж З
Рассказала мне,
Рассказала мне она,

То любовь была.

Эту песенку Мадикен придумала почти что сама. Кусочек взяла из маминой старой «Азбуки», кусочек — из песни, которую за стиркой всегда поет Альва. Песенка получилась что надо и очень подходящая — как раз чтобы под нее полоскать белье и есть сливы. Но Линус Ида думает иначе.

— Это что еще такое! — говорит она. — Неужели ты не знаешь хороших песен, чтобы спеть по-людски?

— По-моему, это хорошая песня, — говорит Мадикен.

Но Идины песни лучше!

— Идочка, миленькая! Спой, пожалуйста, про железную дорогу Иисуса Христа, по которой едут в рай.

Но Линус Ида отказывается петь, когда полощет. Не хочет — и ладно! Потому что, как ни любит Мадикен песню про железную дорогу Иисуса, она никогда не может слушать ее без слез. Вот и сейчас — только Мадикен о ней подумала, как притихла и на глаза у нее навернулись слезы. Это очень грустная песня про девочку, которая думала, что можно сесть на поезд и поехать на небеса, а там бы она встретила свою маму, которая умерла... Нет, сейчас Мадикен и думать об этом не хочет! У Линус Иды все песни такие печальные. Мамы в них умирают, и тогда папы возвращаются домой и ужасно раскаиваются, и клянутся, что больше никогда не будут напиваться пьяными... да уже поздно — раньше надо было спохватываться!

Мадикен тяжело вздыхает и принимается за следующую сливу. Ах, как она рада, что ее мама жива и что она, как и прежде, живет в их красном домике! Каждый вечер, ложась спать, Мадикен после обычной молитвы прибавляет от себя еще одну — о том, чтобы они с Лисабет, и мама, и папа, и Альва, и Линус Ида отправились бы на небо сразу все вместе. Хотя лучше всего было бы вообще никуда не отправляться, потому что им и тут всем очень хорошо живется. Но об этом Мадикен не решается просить Бога, а то как бы он еще не рассердился!

Линус Ида любит, чтобы над ее песнями плакали.

— Слушай, Мадикен! Слушай хорошенько! — приговаривает Линус Ида. — Будешь, по крайней мере, знать, как плохо живется бедным детям, не то что тебе. Ты-то у родителей как жемчужинка в золотой оправе.

Мадикен и впрямь живет, как жемчужинка в золотой оправе. У нее есть и мама, и папа, и Лисабет и Аббе Нильссон, и живет она в Юнибаккене^[1]. Лучшего места, чем это, нигде на свете не найдешь! Если

бы кто-нибудь попросил Мадикен описать, как оно выглядит, она бы, наверно, ответила приблизительно так:

«Ну, обыкновенный красный дом. Просто дом как дом. Самое лучшее в нем — кухня. Мы с Лисабет играем в дровяном чулане, а еще мы помогаем Альве, когда она печет... Впрочем, нет! Лучше всего — на чердаке. Мы с Лисабет играем там в прятки, а иногда наряжаемся каннибалами и играем, будто мы людоеды. На веранде тоже здорово. Там мы играем в пиратов и лазаем через окно, как будто это корабль и мы карабкаемся на мачты. Вокруг дома у нас растут березы, я по ним лазаю, а Лисабет не может — она еще мала лазать по деревьям, ей только пять лет. Иногда я забираюсь на крышу дровяного сарая. У забора рядом с участком Нильссонов стоит длинный красный дом, там у нас дровяной сарай и столярная мастерская, и прачечная, и комната с катальным станком для белья. Если забраться на дровяной сарай, то видно, что делается в кухне у Нильссонов. И еще бывает очень весело крутить катальный станок, когда Альва и Линус Ида катают белье! Ну а лучше всего, конечно, река! Нам разрешают ходить по мосткам, под ними неглубоко, а дальше нельзя — там начинается глубина. С другой стороны дома — улица. Там у забора растет сирень, и нас за ней не видно. Можно спрятаться за кустами и слушать, о чем говорят прохожие: „Правда, шикарно?“»

Вот так примерно ответила бы Мадикен, если бы ее спросили про Юнибаккен.

Иногда она и в самом деле сидит, притаившись, в кустах сирени и слушает, что говорят прохожие.

Сколько раз Мадикен слышала их слова: «Вы только поглядите, какая прелестная малютка!»

Мадикен уже не маленькая и не относит на свой счет эти восторги, но очень радуется, когда хвалят ее младшую сестренку. Лисабет так мила, что все ею восхищаются, даже Линус Ида. Та про нее говорит:

— Право слово! Девчонка такая красавица, что просто беда!

— Да еще и сладенькая! — отзывается Мадикен и кусает сестру за ручку, но только чуть-чуть. И Лисабет заливается хохотом, словно Мадикен ее пощекотала. Уж такая она вся мягонькая, такая нежненькая и сладкая! Но Лисабет еще и зубастенькая: ам! — и укусила сестру прямо в щеку.

— А ты вкусненькая, как огурчик, — говорит Лисабет и хохочет еще залиvistей.

В Мадикен совсем нет ничего мягонького, нежненького и сладкого. Зато у нее хорошенькое, смуглое от загара личико, открытый взгляд голубых глаз и густые каштановые волосы. Она прямая как струнка,

тоненькая и ловкая, как кошка.

— Она у нас только по ошибке уродилась девочкой! — говорит Линус Ида. — Право слово, из нее бы получился хороший мальчишка, не сомневайтесь!

Мадикен вполне довольна, какой она уродилась.

— Я похожа на папу, — говорит она, — и, значит, все будет шик-блеск. Раз я в папу, то непременно женюсь.

Эти слова приводят Лисабет в смятение — а как же тогда она? Вдруг она не женится? Она ведь вылитая мама, все так говорят!

По правде сказать, Лисабет равнодушна к вопросу о женитьбе, но раз Мадикен собирается жениться, то надо и ей. Лисабет хочет, чтобы у нее все было точь-в-точь как у Мадикен.

— Мала ты еще об этом задумываться, — говорит Мадикен и гладит ее по головке. — погоди, пока подрастешь и пойдешь в школу, как я.

Про школу Мадикен немножко прихвастнула, в школу она не ходит, ее еще только записали в первый класс, и занятия начнутся через неделю. Однако можно сказать, что она без пяти минут школьница.

— Может быть, я еще и не женюсь, — говорит Мадикен, чтобы утешить сестренку.

В глубине души она не очень понимает, какой толк в женитьбе, она ни на ком не согласна пожениться, кроме Аббе Нильссона, это решено уже твердо. Впрочем, Аббе об этом пока что не знает.

Линус Ида дополоскала последние вещи, а Мадикен доела все сливы. И тут, откуда ни возмись, прибегает Лисабет. Она была на веранде и играла с Госей.

Потом Гося ей надоела, и она прибежала на мостки узнать, что нового придумала Мадикен.

— Мадикен, — спрашивает Лисабет, — что мы будем делать?

Двух кошек запрягай,
Через море поезжай,
Смотри, не свались,
За хвосты держись! —

говорит Мадикен. Она знает, что так полагается отвечать, потому что так всегда отвечает Аббе.

— Ха-ха-ха! А я так и сделала, — смеется Лисабет. — Я держала Госю за хвост, когда была на веранде!

— Ах так! Тогда я тебя поколочу, — говорит Мадикен. — Я же тебе сказала! Если будешь таскать Госю за хвост, я тебя поколочу.

— А вот и нет! — говорит Лисабет. — Я даже ни одного разочка не дернула. Я только подержала Госю за хвостик, а она стала вырываться и сама себя потянула.

Тут Линус Ида очень строго посмотрела на Лисабет.

— Разве ты не знаешь, Лисабет, что ангелы Господни плачут, если люди обижают животных, и тогда начинается проливной дождь?

— Ха-ха! — смеется Лисабет. — А дождя-то нету!

Действительно, дождя нет и в помине. Солнышко припекает, от клумбы с душистым горошком веет нежным ароматом, в траве жужжат шмели, и тихо струится протекающая мимо Юнибаккена река. Мадикен болтает ногами в теплой воде и, кажется, всем существом чувствует — вот оно, лето!

— Право слово, жарища какая-то несусветная, — говорит Линус Ида, отирая пот со лба. — Будто я полощу белье не в Швеции, а где-нибудь в Африке, на Ниле!

Больше Линус Ида ничего не сказала, но для Мадикен этого достаточно: в ней точно кнопку нажали и что-то там щелкнуло. Она ведь так скоро на выдумки, что не успеет поросенок и глазом моргнуть, у нее уже готово — придумано.

— Ой, Лисабет! А я знаю, что мы будем делать! Вон там, в тростнике, мы будем играть в младенца Моисея^[2].

Лисабет так и запрыгала от восторга:

— Можно, я буду Моисеем?

Линус Ида хохочет:

— Ай да младенец Моисей нашелся!

Но Линус Иде пора развешивать белье, и Мадикен с Лисабет остаются одни на берегу Нила.

По вечерам, после того как в детской погасят свет и в комнате делается темно и тихо, Мадикен рассказывает разные истории, а Лисабет слушает. Это бывают истории «о привидениях, убийцах и о войне», но тогда Лисабет перебирается из своей кровати к Мадикен, чтобы не так было страшно. А иногда Мадикен рассказывает библейские истории, которые узнала от Линус Иды. И Лисабет хорошо знает, кто такой Моисей, как его положили в корзинку и бросили в реку, а потом пришла дочь фараона, принцесса Египетского царства, и нашла его в тростнике. Очень интересно поиграть в младенца Моисея!

На берегу у самой воды стоит бадья — как раз то, что надо для игры!

Лисабет сразу полезла туда.

— Нет, — говорит Мадикен, — так нельзя. Надо ее стащить в воду, а то какой же это будет Моисей в тростнике! А ну-ка, вылезай, Лисабет.

Лисабет послушно вылезает, и Мадикен стаскивает бадью в воду. Бадья — тяжелая, но Мадикен сильная девочка. По берегам речки редко где можно встретить тростник, а тут он есть возле прачечной. Если бы не его густые заросли, с мостков Юнибаккена видны были бы мостки Аббе Нильссона, но тростник их заслоняет. Для Мадикен это — огорчение, а маме нравится. Мама, кажется, считает, что чем меньше видишь Нильссонов, тем лучше. Поди пойми ее! Ведь для чего у людей глаза, как не для того, чтобы все видеть. Зато сейчас тростник пригодился для Моисея. Очень удачно, что он тут вырос!

Ох, как трудно тащить бадью! Девочки покраснелись от натуги, но затащили ее в самую серединку зарослей. Лисабет быстро залезла и стала устраиваться, но, едва усевшись, вдруг притихла, на лице у нее отразилось беспокойство.

— Знаешь что, Мадикен, — говорит Лисабет, — а у меня штанишки намокли.

— Подумаешь! Скоро просохнут, — говорит Мадикен. — Вот я тебя спасу, они и высохнут.

— Уж ты поскорей меня спасай, — говорит Лисабет.

Мадикен обещает поторопиться. Ну вот, все готово для игры, и можно бы начинать. Но, взглянув на свое ситцевое в полосочку платье, Мадикен поняла, что дочь фараона не могла носить такое, а ей хотелось все сделать по-взаправдашнему.

— Ты тут немного подожди, — говорит Мадикен. — Я скоро приду, вот только сбегая к маме.

Но мамы не оказалось дома, она ушла на рынок. Альва за чем-то отправилась в подвал. Никого не застав, Мадикен решила сама поискать себе царское платье. Она осмотрелась кругом, не найдет ли чего-нибудь подходящего. Глядь, В спальне висит на крючке мамин халат — голубенький такой, шелковый! Мадикен примерила — замечательно! Как раз то, что нужно. Наверное, в древности дочь фараона пришла на берег реки точно в таком одеянии. А на голове у нее, скорее всего, была прозрачная фата... Мадикен порылась в бельево шкафу и нашла белую кружевную занавеску для кухонного окна. Ах, какая же она красивая, просто дрожь берет! Вот так, должно быть, и выглядела дочь фараона!

Лисабет тем временем очень довольная дождалась ее в бадье. Все было хорошо, только вот немножечко мокро. Тростник покачивался от

ветра, среди него мелькали синие стрекозы, а в воде сновали под бадьей маленькие-маленькие уклейки. Лисабет, разглядывая их, перевесилась через край.

А вот и Мадикен шлепает по воде в мамином халате! Она подоткнула его повыше и перевязалась поясом под самыми подмышками. Лисабет посмотрела и тоже нашла, что Мадикен в халате — вылитая дочь фараона. Девочки радостно засмеялись. Вот теперь-то уж можно начинать игру!

— Это ты, малютка Моисей, тут лежишь? — спрашивает Мадикен.

— Ага! Это я лежу, — отвечает Лисабет. — Можно, я буду твоим ребеночком?

— Конечно, можно! — отвечает Мадикен. — Только сначала я спасу тебя из бадьи. И кто же это тебя сюда положил?

— А я сам сюда залез, — говорит Лисабет.

Но Мадикен делает строгое лицо и шепотом поправляет:

— Меня положила сюда мама, чтобы фараон не мог меня убить.

Лисабет послушно повторяет подсказку.

— Скажи, малютка Моисей, а ты ведь, правда, обрадовался, что будешь жить у меня, когда увидал, какая я нарядная?

— Очень обрадовался, — соглашается Лисабет.

— Ты тоже будешь таким нарядным, — говорит Мадикен. — Тебе тоже дадут новое платье.

— И сухие штанишки, — прибавляет Лисабет. — Знаешь что, Мадикен! По-моему, бадья дырявая.

— Тише, — говорит Мадикен. — А то смотри, Моисей, как приплывут крокодилы! Они кушают маленьких деток. Давай-ка я тебя лучше спасу, пока не поздно.

— Каттегоритчески! — отвечает Лисабет.

Однако оказывается, что спасти малых детей из Нила не так-то просто. И Мадикен в этом очень скоро убедилась. Лисабет тяжелым мешком повисла у нее на плечах, халат волочится по воде и путается в ногах.

— Ох, как тут много крокодилов! — стонет Мадикен. Она еле тащится к берегу. — Пожалуй, лучше отнесу тебя к мосткам Нильссонов, туда все-таки ближе.

— А вон и Аббе, — говорит Лисабет. Мадикен останавливается как вкопанная.

— Вот как! — говорит она. — Давай-ка слезай, Лисабет, ты и сама дойдешь!

Но Лисабет не соглашается:

— Нет, не дойду. Ведь я же малютка Моисей.

И она еще крепче стискивает руками шею Мадикен, изо всех сил стараясь удержаться.

— Боюсь! Там каркадилы! — уверяет она Мадикен.

— Да нету здесь никаких крокодилов! — возражает Мадикен. — Чур, я не играю. А ну-ка, слезай!

Но Лисабет не желает слезать, и Мадикен начинает сердиться. Ручки Лисабет сдавили ей шею. Если бы не мамин халат, Мадикен легко могла бы их отцепить. Халат волочится за нею по воде, его надо все время придерживать руками. А руки у нее заняты. Тогда она начинает подпрыгивать, чтобы стряхнуть прицепившуюся Лисабет.

На Нильссоновых мостках стоит Аббе и смотрит. Ему-то хорошо!

— Смотри, не скакни в Бездонную яму, — предостерегает он Мадикен и сплевывает в воду.

Мадикен и без него знает, что возле Нильссоновых мостков есть обрыв, она и сама помнит про Бездонный омут. Но сейчас она так сердита, что ей не до того — только бы скинуть эту Лисабет! Она делает скачки и брыкается, как дикая лошадка, не глядя, куда ее занесет.

— Боюсь каркадилов!.. — пищит Лисабет.

Но вдруг писк обрывается... Звонкий плеск — и Мадикен со своей ношей проваливается с головой в Бездонный омут...

И может быть, все на этом было бы кончено, — они бы там захлебнулись, и не стало бы в Юнибаккене двух девочек, — если бы не Аббе. Аббе преспокойно берет багор, который оказался у него под рукой, запускает его в Бездонный омут и вытягивает из воды с уловом — на крючке трепыхаются две насквозь мокрые девчонки.

Они выкарабкиваются на мостки. Лисабет ревет и подвывает, как привидение.

— Да тише ты! Не реви, Лисабет! — говорит ей Мадикен. — А то нас никогда больше не отпустят к реке.

— А чего ты меня затащила в Бездонный омут! — гудит в ответ Лисабет. Ишь, дескать, чего захотели, чтобы она так вот сразу и перестала реветь. Она только еще входит во вкус!

Сердито уставясь на Мадикен, она говорит:

— Все скажу мамочке!

— Ой, ябеда-беда! — говорит Мадикен.

И только тут спохватывается, что мокрая тряпка, которая ее облепила, — это ведь мамин халат. Уж он-то обо всем расскажет, даже если Лисабет и не наябедничает.

— Пойдемте-ка со мной, девчонки! — говорит Аббе. — Будет вам обеим по крендельку.

Аббе — удивительный человек! Мало того, что ему пятнадцать лет и он может вытащить человека багром из воды, но он еще умеет печь сахарные крендельки и сам продает их на базаре. Вообще-то печь крендельки полагалось бы его папе, а торговать на базаре маме, но по большей части и то и другое достается делать ему. Мадикен очень его жалеет, потому что Аббе мечтает стать моряком и плавать по бурным морям, где бушуют ураганы, а вовсе не о том, чтобы печь крендельки. Но вот приходится! А что поделаешь, раз его папа тоже не хочет печь. Слушая грустные песни Линус Иды про бедных детей, у которых «папашечка в кабаке тащится», Мадикен думает, что в них поется про дядю Нильссона. Правда, дядя Нильссон тащится в кабак только по субботам, но Аббе-то всю неделю напролет должен печь крендельки, вместо того чтобы плавать по бурным морям, где бушуют ураганы. Бедный Аббе!

После купания в Бездонном омуте человеку в самую пору полакомиться сахарным крендельком! Лисабет умолкла. Она грызет кренделек и с удивлением разглядывает свое мокрое платишко.

— А ты же говорила, Мадикен, что спасешь меня и я сразу высохну. Вот тебе и на!

Но когда мама приходит домой, на кухне ее встречают две совершенно обсохшие и переодетые девочки. Усадив пуделя Сассо в дровяной чулан, они играют, как будто он у них дрессированный лев и Мадикен выступает с ним в цирке. Альва и Лисабет изображают зрителей. Билет на представление продается за два эре, но это понарошку — вместо монет служат простые пуговицы.

— Это потому, что лев тоже не настоящий, — говорит Лисабет. — Поэтому можно платить пуговицами.

Под яблонями в саду сушатся на веревке свежестиранные наволочки и полотенца, а среди них два маленьких платица и голубой халат.

Мама целует Мадикен, целует Лисабет и принимается выгружать из корзинки покупки.

— Я думаю, что сегодня на обед можно сварить суп, — говорит она Альве, выкладывая на кухонный стол морковь, цветную капусту и лук-порей. — А на второе сделаем блинчики.

Затем мама обращается к дочкам:

— Ну, чем вы тут без меня занимались?

На кухне воцаряется тишина, Лисабет испуганно смотрит на Мадикен. А Мадикен опускает глаза и так внимательно разглядывает большой палец

на своей ноге, как будто никогда его раньше не видела.

— Ну, так что же вы без меня делали? — повторяет мама.

— Мы стирали и полоскали свои платица, — нехотя отвечает Мадикен. — И твой халат тоже постирали... Хорошо мы сделали?

— Маргарита! — произносит мама с особенным выражением.

За окном на бельевой веревке раскачивается под дуновением ласкового ветерка выстиранное белье, а из дома Нильссонов доносится бодрая песня.

Весело нам на волнах океана,
Вольным, как птицы в просторе небес...

Это поет Аббе, разделявая новую порцию крендельков.

Рикард

Мадикен уже ходит в школу, ей там нравится. Как это здорово, когда у тебя есть букварь, обернутый в зеленую бумагу с надписью «Маргарита. Класс 1а». Именно «Маргарита», а не «Мадикен». Какая же она Мадикен, если стала школьницей! Как здорово, если есть у тебя грифельная доска, и к ней губка на шнурке, и бутылочка из-под жидкости для волос, куда налита вода. Из бутылочки можно побрызгать на доску и все стереть, и тогда она снова станет чистой. Здорово, когда у тебя есть грифели, и пенал, в который их прячут, и парусиновый ранец, в который можно положить пенал. Ну а самое замечательное, что в «Азбуке» есть петушок. Петушок выбрасывает монетки в пять эре, они с треском вылетают, если ты хорошо учишься и прилежно готовишь уроки.

Да уж, учиться в школе и правда очень здорово! В первый же день Мадикен со вздохом говорит:

— Ох! Ну кому это, спрашивается, нужны рождественские каникулы! До Рождества еще целых четыре месяца, а все-таки жаль!

Мадикен всем показывает «Азбуку», и грифельную доску, и пенал, показывает их маме, и папе, и Лисабет, и Линус Иде, и Альве, и Аббе Нильссону. Она дает Альве полистать «Азбуку» и пописать немножко на грифельной доске, но при этом Альве приходится выслушать много наставлений.

Каждое утро, когда Мадикен уходит в школу, Лисабет провожает ее до двери и мечтает о том, как было бы хорошо, если бы и она могла пойти в школу с таким хорошеньким ранцем за спиной. Потом Лисабет ждет сестру, и время тянется для нее так медленно! Когда наконец Мадикен приходит домой, то тут оказывается, что ей еще надо учить уроки. Мадикен сидит в детской и читает громко, на весь дом.

— И, О, У, — читает Мадикен, — И, О, У.

Лисабет не может понять, почему это надо так долго читать одно и то же: И, О, У, — но ведь она еще не школьница.

Каждый день папа за обедом спрашивает.

— Ну что, Мадикен? Как дела в школе?

— Шик-блеск! — отвечает Мадикен. — Я лучшая ученица в классе.

— Кто же это сказал? — интересуется мама. — Ты или учительница?

— Мы обе так считаем, — говорит Мадикен.

Мама и папа переглядываются с довольным видом, знай, мол, наших!

Зря они раньше беспокоились — школа даже из такой шалуни, как Мадикен, может сделать человека.

Но дни идут, и Мадикен уже без прежнего рвения учит уроки. Маме приходится напоминать, что надо еще сделать примеры. Из детской больше не слышится «И, О, У», слышен только привычный грохот стульев — это Мадикен и Лисабет опять колобродят и все роняют и переворачивают.

Однажды вдруг раздаются новые звуки: «О, Адольфина! О, Адольфина! Вместе забыться!»

Маме это не понравилось.

— Фу, Мадикен, — говорит мама. — Что за дурацкие слова? Кто тебя научил этой глупой и пошлой песне?

Подумать только! Мама ничего не знает! Она не знает, какая замечательная вещь появилась у Нильссонов. Ведь это — граммофон! С большой-пребольшой трубой! Дядя Нильссон ставит пластинку «О, Адольфина!» каждый день и танцует под музыку с тетей Нильссон. Среди звуков, которые несутся из трубы, — шипения, скрипа и треска — можно кое-как расслышать и Адольфину. Но мама почему-то недолгоблывает Нильссонов. Разве ее поймешь?

— Так как же, Мадикен? Кто научил тебя этой глупой песне?

Мадикен краснеет.

— Это... это Рикард, — говорит она наконец, потому что ей неохота признаваться, что она выучилась этой песне у Нильссонов.

— А кто это — Рикард? — спрашивает Лисабет.

— Кто Рикард? Это мальчик из нашего класса, — с бухты-барахты выпаливает Мадикен.

— Вот как? — говорит мама. — По-моему, тебе с этим мальчиком лучше не водиться.

Спустя несколько дней петушок из «Азбуки» вытряхнул для Мадикен пять эре, хотя, по правде сказать, она в последнее время не отличалась прилежанием. На пять эре в лавочке возле школы дают пять леденцов. Мадикен пообещала сестренке, что два принесет ей, поэтому Лисабет с самого утра только и ждет обещанного. Наконец Мадикен возвращается из школы, Лисабет встречает ее в прихожей.

— Бедненькая Лисабет! — говорит Мадикен. — Рикард слопал твои леденчики.

— Выпороть как следует надо Рикарда! — говорит Лисабет. Ей очень обидно.

Да уж, что правда, то правда — заслужил Рикард хорошую трепку! Но его дурацкие выходки на этом не кончились.

Однажды Мадикен пришла из школы в одной галоше, другая пропала. А ведь какая чудесная была галоша — черная, блестящая, на красной подкладке!

— Где у тебя вторая галоша? — спрашивает мама.

— Рикард взял и закинул в канал, — отвечает Мадикен.

— Выпороть надо Рикарда! — говорит Лисабет.

Мама страшно возмутилась, услышав про Рикарда.

— Просто наказание какое-то, что в вашем классе оказался такой мальчишка! — говорит она. — Придется мне наконец пойти в школу и поговорить с вашей учительницей.

Но у мамы все время столько всяких дел, что она так и не собралась повидаться с учительницей, и Рикард продолжает вытворять разные глупости. Что ни день он выдумывает новые проказы!

Вот Мадикен вернулась из школы с огромным чернильным пятном на новеньком передничке... Конечно же, это был Рикард! В другой раз у нее грифельная доска треснула пополам — а все потому, что Рикард схватил ее — и ну дубасить об стенку. Он, видите ли, решил проверить, крепкая ли доска. Оказывается, нет. Не очень крепкая.

В учебнике у Мадикен есть картинка, где нарисована королева, которая в былые времена жила в Швеции. Теперь она уже умерла, но в книжке есть ее портрет. И вот однажды у королевы появились усы и борода.

— Что это такое, Маргарита! Зачем ты испачкала книжку? — говорит мама строгим голосом.

— А это не я, — отвечает Мадикен, — это Рикард.

— Выпороть надо Рикарда! — говорит Лисабет.

За обедом Мадикен каждый день рассказывает про ужасного Рикарда. До чего он только не додумывается! Учительница с ним так извелась, что просто невозможно себе представить. Он безобразничает на уроках и все время стоит в углу наказанный.

— Подумайте только, сегодня он съел мой ластик!

— Неужели-таки ластик съел? — ужасается мама.

— Прямо ненормальный какой-то мальчик, — говорит папа.

— Выпороть надо Рикарда! — говорит Лисабет.

Однажды Мадикен возвращается из школы, а на голове у нее новая прическа. Опять отличился Рикард. После урока рукоделия он взял у Мадикен ножницы и выстриг ей челку. Ну и челка получилась!

— Завтра же пойду школу и поговорю с учительницей!

— Рикарда надо... — начала было Лисабет.

— Да замолчишь ты наконец! — прикрикнула Мадикен в сердцах. —

Рикарда нельзя выпороть. Рикард сегодня кончил школу.

— Как это — кончил? — спрашивает пораженная мама.

— А он... он не будет больше ходить в школу, — говорит Мадикен.

— Будет — не будет! — воскликнула мама. — Не болтай пустяков! Ты же ничего не понимаешь. Он, наверное, перейдет в другую школу.

— Да, он теперь пойдет в другую школу и будет там кушать ластики, — говорит Лисабет.

Прошло несколько дней, и наступил день рождения тети Лотты. Тетя Лотта жила в маленьком чистеньком домике по соседству со школой. И мама с обеими дочками пошла ее поздравлять.

Они уже почти пришли, как вдруг навстречу — учительница. Как ни тянула Мадикен маму за юбку, мама остановилась. Мадикен совсем не хотела разговора с учительницей, зато мама обрадовалась случаю.

— Скажите, пожалуйста, как успехи моей Маргариты? — спрашивает мама.

Казалось бы, для чего спрашивать! Мадикен давно сказала маме, что все у нее шик-блеск. Но маме уж очень хочется услышать от самой учительницы, что ее дочь — лучшая ученица в классе.

Но, как ни странно, ей этого не пришлось услышать.

— Ничего! Все еще наладится, когда Маргарита привыкнет, — говорит учительница. — Некоторые дети трудно привыкают к школе.

У мамы делается задумчивое выражение... Неужели учительница считает ее дочку таким ребенком? Что же тогда можно сказать о Рикарде?

— Все-таки, знаете ли, хорошо, что этот Рикард ушел от вас. Я думаю, вы довольны, что отделались от такого сорванца, — говорит мама.

— Рикард? — удивленно переспрашивает учительница. — Такого мальчика я не знаю. У нас никогда не было никакого Рикарда.

— Но как же так... — начала было мама, но сразу осеклась и строго посмотрела на Мадикен.

— Выпороть надо Рикарда! — объявляет Лисабет.

Мадикен стоит вся красная и упорно разглядывает свои башмаки. «Выпороть», — говорит Лисабет! Ох, достанется, верно, кому-то порка, вот только кому? Ах, как же сиротливо стало жить на свете без Рикарда!

Экскурсия «Не выходя за калитку»

Мадикен совсем перестала рассказывать про Рикарда. Лисабет скучает без этих рассказов. Она никак не возьмет в толк, что с Рикардом раз и навсегда покончено и что его теперь просто нет. После него осталась пустота, и это особенно чувствуется за обедом. Иногда Лисабет вспоминает о нем вслух.

— Интересно, что там делает Рикард в новой школе?

Тогда Мадикен сердито зыркает на нее глазами, а мама делает вид, будто ничего не слыхала. Только папа иногда смеется над Мадикен и треплет ее по волосам:

— Да уж, наша барышня Шик-блеск — большая выдумщица! Расскажи-ка лучше, как тебе в школе живется-может... без Рикарда!

И Мадикен рассказывает. Про то, какие у учительницы есть золотые часики на цепочке, и про то, что у Мии, оказывается, в волосах кишат вошки, про то, что мальчики каждый день дерутся на школьном дворе, и про то, как ей нравится большая перемена, когда все рассаживаются в коридоре и завтракают бутербродами.

— А с чем бывают бутерброды у других детей? — спрашивает Лисабет. Про школу ей все интересно.

— С колбасой и сыром, — говорит Мадикен.

Лисабет грустно вздыхает. Подумать только, какие счастливые дети! Они могут сидеть в коридоре и кушать бутерброды с колбасой и сыром, и у них есть пеналы, и грифельные доски, и ранцы. Ах, какое горе для Лисабет, что нельзя ей тоже пойти в школу!

А папа все задает и задает вопросы. На следующий день он опять спрашивает:

— Ну, барышня Шик-блеск, как было нынче в школе?

Мадикен старается вспомнить. С тех пор как не стало Рикарда, и рассказывать-то, можно сказать, нечего. Но хоть что-нибудь у Мадикен всегда найдется.

— У Мии столько вшей, что они даже по парте ползают, — говорит Мадикен. — Вот бы мне так!

— Нет уж, благодарю покорно! — говорит мама.

Лисабет только приготовилась отправить себе в рот картофельное пюре, но остановилась и положила ложку.

— А вот в моей школе, — говорит она с торжеством, — в моей школе

у всех детей вошки в голове!

— Ффы! — фыркает Мадикен. — Ты и в школу-то еще не ходишь!

— А вот и хожу! — говорит Лисабет и делает упрямое лицо. А то куда же это годится — все Мадикен да Мадикен рассказывает! У других, может быть, тоже найдется о чем порассказать! Папа хохочет:

— Вот как! Значит, и у тебя есть своя школа? Наверное, это школа, в которую перешел Рикард?

Лисабет так и просияла. Вот это выдумка так выдумка! Не только платица и ботиночки переходят к Лисабет от Мадикен. Оказывается, она может получить от нее в наследство и Рикарда, чтобы он ходил в ее школу! Лисабет улыбается до ушей и кивает головой.

— Да, Рикард поступил в мою школу, и вошек у него в голове — ого сколько! — заявляет Лисабет.

— Какое ты все-таки еще дитя, Лисабет, — говорит Мадикен.

Неделя проходит за неделей. И вот однажды в субботу Мадикен прибегает из школы вся востропанная, глаза у нее горят от возбуждения.

— Мама дома? — вопит она, как всегда, еще с порога и принимается тараторить как сорока. — Мамочка, мы поедем на экскурсию в среду... всей школой. Сначала поедем на поезде, потом пойдем пешком далеко-далеко, потом заберемся на гору, сядем, будем есть бутерброды и любоваться на красивый вид. Ой, до чего же я счастлива!

От радости у Мадикен ноги не стоят на месте, они так и пляшут, сияющим лицом она кидается маме на шею, а рядом, мрачнее тучи, стоит Лисабет. Помолчав немного, она громко и раздельно заявляет:

— В моей школе у нас тоже будет экскурсия, и мы поедем на поезде и заберемся на гору, наша гора еще гораздо выше.

— А вот и нет! — говорит Мадикен.

— Дурочка! — кричит на нее Лисабет, утыкается головой в мамины колени и разражается горючими слезами. — Я тоже хочу на экскурсию, и сидеть на горе, и есть бутерброды!

Тут Мадикен стало ее жалко.

— Мы с тобой и сами можем пойти на экскурсию, на пару — ты да я.

Поплакав на всякий случай еще немного, Лисабет поднимает голову и смотрит на нее зареванными мокрыми глазами.

— И тоже посидим на горе? — спрашивает она.

— Может быть, посидим, — отвечает Мадикен. — Если найдем гору.

— Вот это ты молодец, Мадикен! — говорит мама. — Вы устройте себе вдвоем экскурсию. Как хорошо! Правда, Лисабет?

Мама находит, что эта затея как раз кстати, потому что сегодня они с

папой приглашены в гости на обед.

— Мы соберем для вас корзинку, вы ее возьмете с собой и подыщите какое-нибудь хорошее местечко, — говорит мама, глядя Лисабет по головке, а та поправляет маму:

— Какую-нибудь хорошую гору!

Мама открывает чулан, достает с полки красную корзинку и укладывает в нее много вкусных вещей: маленькие котлетки — фрикадельки, сосиски, два пирога, бутылку молока и булочки с корицей.

— Тут столько всего вкусненького, что вряд ли маму и папу так наугощают в гостях у Берглундов, — говори Мадикен.

Но мама уже торопится. Она надевает пальто и шляпку и между делом дает последние наставления Мадикен:

— Смотри, не уходите далеко и предупредите Альву, куда вы отправитесь.

Альве она говорит:

— Альва, дорогая! Уж ты присмотри без меня за девочками!

— Будьте спокойны, фру, присмотрю, — отвечает Альва.

И вот мама ушла.

Мадикен и Лисабет с двух сторон подхватывают корзинку — пора и в путь.

— А где же у нас гора? — спрашивает Лисабет. Выйдя с веранды, Мадикен в раздумье останавливается на крыльце. Если поблизости, то здесь горы не найдешь, а мама велела не уходить далеко от дома. Но Мадикен недолго ломала над этим голову. Не успел поросенок глазом моргнуть, как она уже сообразила, что делать, Мадикен вспомнила похожий случай. В одной истории, которую им прочитала мама, рассказывалось про детей, которые тоже собрались на экскурсию, как сегодня Мадикен и Лисабет, и у них была с собою корзинка блинов. Дети не пошли в лес, а залезли на свинарник, и блины попадали с крыши и все достались поросенку. Очень был интересный рассказ.

— Знаешь что, Лисабет, — говорит Мадикен. — Горы у нас тут нет, зато мы можем залезть на крышу дровяного сарая.

Лисабет запрыгала от восторга.

— Точь-в-точь как те дети! Только у нас нет блинов.

— Ни блинов, ни поросенка, — говорит Мадикен. — Так что не страшно, если мы уроним корзинку.

— А мама разрешает? — засомневалась Лисабет.

Мадикен немножко подумала.

— Мама сказала, чтобы мы нашли себе хорошее местечко неподалеку

от дома. Мне кажется, что крыша сарая — очень хорошее место. И вид оттуда открывается хороший. Точь-в-точь как должно быть в среду на школьной экскурсии.

Тут на крыльцо выскочила Альва и спрашивает:

— Куда вы собрались? Я должна знать.

— Мы недалеко, — говорит Мадикен. — Мы будем гулять тут, у себя, не выходя за калитку.

Лисабет услышала и засмеялась:

— Совсем недалеко. Потому что мы...

— Ты бы помолчала, — говорит Мадикен. — Я ведь и так уже сказала, что мы не будем выходить за калитку.

Альва осталась довольна, можно будет не отвлекаясь спокойно заниматься глажкой.

Около сарая стоит на всякий случай стремянка. Мадикен не раз влезала по ней на крышу сарая, а там уже по верху, точно канатоходец, перебиралась на крышу прачечной, потому что над нею нависают ветви грушевого дерева, которое растет за забором у Нильссонов, а Мадикен очень любит лакомиться с него мелкими сладкими грушами, которые поспевают в августе.

Лисабет тоже пробовала залезть на стремянку, но дальше второй или третьей перекладины не поднималась, а тут ей предстоит забраться на крышу — чудесное и жуткое приключение! Но так, наверное, и должно быть на экскурсии, думает Лисабет. Мадикен залезает первой и втаскивает корзинку. У нее это получается легко и быстро. За нею полезла осмотрительная Лисабет, постепенно все больше сбавляя скорость. Наконец она все же добралась до верха и, заглянув за водосточный желоб, увидела Мадикен, которая уже принялась разбирать корзинку с угощением.

Лисабет вдруг подумала, что это место не такое уж хорошее, на горе, пожалуй, было бы лучше.

— А знаешь что, Мадикен, — говорит она. — Что-то мне не хочется залезать на эту крышу.

— Ты лучше не кричи, а то не будет никакой экскурсии, — говорит Мадикен. — Давай-ка я тебе подсоблю.

Лисабет вся дрожит от страха, но Мадикен, поднатужившись, подтягивает ее и в конце концов втаскивает наверх, несмотря на жалобные причитания:

— Ой, Мадикен! Ты с ума сошла! Ты категорически с ума сошла, Мадикен!

Только когда они уселись верхом на коньке крыши с корзинкой

посредине, Лисабет снова повеселела:

— Гляди-ка, Мадикен! Мне отсюда все видно на кухне у Нильссонов, — говорит Лисабет.

Мадикен радостно кивает:

— Ага! А что я тебе говорила? Отсюда очень хороший вид... видно все, что делается у Нильссонов. Я-то уже столько раз смотрела!

Девочки сидят и разглядывают, что там у Нильссонов. Вон Аббе, как всегда, колдует над противнем. Тети Нильссон не видно, зато видно дядю Нильссона, он лежит на кухонном диване и спит.

— Пьяный, конечно, — говорит Мадикен. — В субботу он всегда пьяный.

Вдруг Аббе поднимает голову и, заметив девочек, бросает свою работу. Он идет к окну и начинает строить такие страхолюдные гримасы, что девочки чуть не захлебываются от смеха. Глядя на Аббе, Мадикен не понимает, как он умудряется корчить такие рожи. Аббе — красивый, когда не кривляется, — думает Мадикен, у него такие белые волосы, и такие голубые глаза, и рот такой большой. Конечно же, Аббе — красивый. Сейчас, правда, у него такое наморщенное и перекошенное лицо, что он стал похож на тролля, и никакой красоты не видно, зато такая умора, что только держись! Иначе, того и гляди, скатишься с крыши.

Скоро Аббе выходит из дома.

— Здравия желаю! — говорит Аббе, задрав голову. — Как живете-можете?

— Хорошо живем-можем, — отвечает Мадикен.

А что может быть лучше, чем сидеть на крыше и болтать с Аббе?

— У нас экскурсия, — поясняет Лисабет.

— Оно и видно! — говорит Аббе. — А что там у вас в корзинке?

— Фрикадельки, и сосиски, и еще всякая всячина, — говорит Мадикен.

— Очень много всячины, — говорит Лисабет.

Аббе висит на заборе, разделяющем сад Юнибаккена и Люгнета^[3] (так называется усадьба Нильссонов). Аббе задумчиво молчит.

— Давайте поспорим! — предлагает он вдруг. — Поспорим, что вам слабо запулить мне в рот фрикадельку. Ни за что не попадете!

Мадикен и Лисабет встречают предложение с восторгом. Уж Аббе всегда придумает такое развлечение, какое другим и не снилось.

— Ха-ха! Сейчас мы тебе покажем! — кричит Мадикен и хватается фрикадельку.

Мадикен старательно целится и швыряет ее прямо в разинутый рот

Аббе, но попадает ему в лоб. Фрикаделька катится по земле и замирает на подстилке из пожелтевшей осенней листвы. Аббе ее хватить — и в рот.

— Ну, что я говорил! Куда уж вам попасть! Сразу видно, что не можете.

— А это мы еще посмотрим! — говорит Мадикен. — Видал-миндал!

Летит вторая фрикаделька и, пролетев мимо уха, падает у ног Аббе. Он ее подбирает с земли и тоже засовывает себе в рот.

— Видал, видал! — говорит Аббе. — Теперь-то уж совершенно точно доказано, что ты не умеешь бросать в цель, Мадикен!

— А теперь я, — говорит Лисабет. — Я тоже хочу бросить фрикадельку.

Она кидает, даже не целясь, и ее котлетка летит по воздуху и шлепается около забора.

— Обе вы — недотепы! — говорит Аббе.

Он просовывает руку между реек забора и вытаскивает котлетку.

Мадикен и Лисабет делают по новому броску. После нескольких попыток Мадикен говорит:

— Нам нечем кидаться, все фрикадельки кончились.

— А вдруг сосиски сподручнее? — говорит Аббе. — Они вроде как ровнее летают. Давайте посмотрим, что получится!

Мадикен и Лисабет охотно делают новую попытку. Один раз Мадикен сумела изловчиться, и сосиска попала Аббе между глаз, но это было ее лучшее достижение.

— У нас еще остались две сосиски, — говорит Мадикен, — эти уж мы оставим себе.

— Неужели вы думаете, что я могу тут день-деньской стоять как столб, пока вы будете упражняться в метании сосисок! — говорит Аббе. — Счастливо оставаться, девочки! Поищите себе кого-нибудь другого, если хотите еще побросать!

И Аббе исчезает на кухне.

— Ну, пора начинать экскурсию, — говорит Лисабет.

Это значит, что она решила подкрепиться.

Девочки подъели оставшиеся сосиски, потом вареные яйца, и яблочный пирог, и булочки с корицей. Все было очень вкусное, и они наелись почти досыта, хотя и разбросали все фрикадельки и почти все сосиски. Они ели и запивали молоком, но Лисабет взмахнула рукой со стаканом и половину расплескала. По черепичному скату потек белый ручеек прямо в дождевой желоб.

— Представляешь, как удивятся воробьи, когда прилетят и увидят в

желобе молоко! — говорит Мадикен.

— Да и, наверное, обрадуются, — соглашается Лисабет. — А что мы теперь будем делать, Мадикен?

— Теперь надо хорошенько полюбоваться видом, ради этого люди и ездят на экскурсии, — внушительно объясняет Мадикен.

— Да ну? — удивляется Лисабет.

— Вот тебе и ну! Так нам сказала учительница, и мы в среду будем любоваться. А мальчишки говорят, больно нужен этот вид! Им бы только побеситься.

Но Мадикен с Лисабет не то что мальчишки. Они готовы все глаза проглядеть, любуясь видом. И они разглядывают не только кухню у Нильссонов, а еще вертят головой во все стороны, именно так, как полагается на экскурсии. Сверху им далеко видать: видны нависшие над водой ивы, излучина реки, дома и сады. Все деревья в золотой и багряной листве, над головой ясная синева неба — красота! Девочки, запрокинув голову, глядят вверх. Вот где открывается самый широкий вид! И вдруг замечают птицу, которая парит высоко-высоко в синеве.

— Вот кому, наверное, больше всех видно! — говорит Мадикен. — Как бы я хотела летать!

— Люди не летают, — говорит Лисабет.

— Еще как летают — на аэропланах! — возражает Мадикен.

Об аэропланах ей рассказывал Аббе. Аэропланы летают на войне, но и в Швеции тоже есть аэропланы. Мадикен много бы отдала за то, чтобы на них хоть посмотреть. А Линус Ида говорит, что летать по воздуху грешно. «Право слово, если бы Богу было угодно, чтобы люди летали, он сотворил бы их птицами», — говорит Линус Ида.

Лисабет согласна, что аэропланы — вещь замечательная, но ведь не одни аэропланы могут летать!

— Знаешь что, Мадикен, — говорит она. — Йон Блунд^[4] тоже умеет летать, и ему для этого ничего не надо, кроме зонтика.

Мадикен презрительно фыркает:

— Какое ты еще дитя, Лисабет!

Но сама задумывается. Аббе говорил, что на войне один летчик спрыгнул с самолета, раскрыв большой зонтик. Мадикен, конечно, понимает, что под зонтиком нельзя летать куда хочешь, как Йон Блунд, а вот спуститься с аэроплана на землю очень даже можно. Ну а если... с другого высокого места?

Мадикен прикидывает в уме: крыша сарая тоже высоко от земли.

— Пожалуй, я попробую, — говорит Мадикен.

— Что ты попробуешь? — спрашивает Лисабет.

— С раскрытым зонтиком, — говорит Мадикен.

Услышав подробно, что придумала Мадикен, Лисабет так засмеялась, что даже стала икать.

— С ума сойти, Мадикен! — говорит Лисабет. — Мы будем играть, как будто ты Йон Блунд?

— Нет, представь себе, не будем! Это ребячество, — говорит Мадикен. — Я хочу прыгнуть вниз, как будто я летчик. Понятно?

— С ума сойти, Мадикен! — повторяет Лисабет.

Но для начала надо раздобыть из прихожей папин зонтик, да так, чтобы не заметила Альва. Кто ее знает, одобрит ли Альва полеты с зонтиком. Чего доброго, поднимет крик, потому что она, может быть, еще не слыхала, как это делается на войне.

Когда Лисабет поняла, что ее оставляют на крыше одну, ей стало не до смеха, но Мадикен ее утешила:

— Я скоро вернусь. А ты пока погляди, что делается у Нильссонов. Сиди только и не ерзай, тогда не скатишься.

С этими словами Мадикен полезла вниз и скрылась из виду.

Сначала она заглянула на кухню. Там Альва гладит белье. Пот струится у нее по лицу. В плите гудит огонь, на ней греются утюги. Из кухни пышет жаром, как из печки, не помогают даже раскрытые окна.

При виде Мадикен Альва обрадовалась:

— Вот хорошо! Мне и бегать не надо, чтобы за вами приглядывать. Ну, как ваша экскурсия?

— Шик-блеск, — говорит Мадикен.

— А где же Лисабет? — спрашивает Альва.

— Она осталась там на... на экскурсии, — говорит Мадикен и выскальзывает в прихожую, не дожидаясь следующего вопроса.

В прихожей в подставке для зонтов стоит папин зонтик.

Едва Мадикен успела его вытащить, как из кухни выглядывает Альва.

— А Сассо с вами? — спрашивает она.

— Не-а! — отвечает Мадикен, пряча зонтик за спину.

— Опять, поди, удрал в город, — говорит Альва. — А зачем это тебе понадобился зонтик?

— Это я так... на всякий случай. Вдруг начнется дождик! — говорит Мадикен.

— Дождик? Это сегодня-то? Выдумаешь тоже! — говорит Альва. — Сейчас же поставь зонтик на место!

Мадикен даже зло взяло. Не хватало еще сейчас тратить время на

споры о погоде, когда она первый раз в жизни собралась полетать!

— Так надо! На экскурсию всегда берут зонтик, — говорит она сердито. — А если погода испортится? Хороши мы тогда будем!

Альва смеется:

— Как же она так быстро испортится? Да вы десять раз успеете добежать до веранды. Ну, да ладно уж. Бери зонтик, раз вам так надо. Но смотри, чтобы потом поставить на место, а то папа будет сердиться.

— Да, да, да, — нетерпеливо бросает Мадикен и выскакивает с веранды за дверь.

Какая тишина кругом! Жизнь словно замерла в Юнибаккене. Тут готовится такой замечательный полет, а нигде ни души, и никто его, кроме Лисабет, не увидит. Окно из кухни, где осталась Альва, выходит на другую сторону. Аббе куда-то запропастился. Дядюшка Нильссон спит на диване.

Да, так уж вышло, что, кроме Лисабет, никого не оказалось рядом, когда Мадикен вздумала полетать, как военный летчик. Никто, кроме Лисабет, не видел, как она встала на краю крыши и раскрыла большой черный зонт. Никто, кроме Лисабет, не видел, как она высоко подняла зонт над головой и приготовилась прыгать.

— С ума сошла, Мадикен, — говорит Лисабет. — Каттегоритчески! С ума сошла!

— Да ну! Ничего страшного, — говорит Мадикен.

Все-таки ей и самой теперь кажется, что до земли довольно далеко. Но ведь если с зонтиком можно прыгать с самолета с высоты в тысячу метров, то, значит, с крыши-то и подавно можно.

Крепко сжимая ручку зонтика, Мадикен стоит на краю, изображая гудящий аэроплан. Как его надо изображать, она знает от Аббе. Правда, Аббе ни разу в жизни не видел и не слышал аэроплана, но все равно, уж он-то знает, Аббе все знает.

— Тырр-тырр-тырр, — тарахтит Мадикен.

— Ой! — вскрикивает Лисабет.

И Мадикен полетела. Она заносит ногу в пустоту, один шаг и — «бумс».

— Ужас как ты быстро! — кричит Лисабет.

Она ползет по крыше на животе и заглядывает через край. Где же Мадикен?

А Мадикен неподвижно лежит, уткнувшись лицом в землю, и молчит. Рядом — зонт с переломленной ручкой.

— Что с тобой, Мадикен? — кричит Лисабет. — Ты умерла?

Мадикен не отвечает.

— Мадикен, скажи, ты не умерла? — кричит в страхе Лисабет.

Но Мадикен опять не отвечает. Тогда Лисабет поднимает громкий рев.

— Мама! — захлебывается плачем Лисабет. — Мамочка!

Сейчас ей так страшно, словно она осталась одна на всем белом свете. И с крыши-то ей никак не слезть. На истошные вопли бедной Лисабет высовывается из окна дядя Нильссон.

— Что ты делаешь на крыше? Что это ты там разоралась?

— Мадикен умерла! — вопит Лисабет. — Мадикен умерла!

Тут уж дядя Нильссон второпях выскакивает из окна и сигает через забор.

Опустившись около Мадикен на колени, он поворачивает к себе ее бледное личико и видит на лбу кровь.

В этот миг на помощь подоспела Альва. Едва бросив взгляд на Мадикен, она останавливается как вкопанная и начинает душераздирающе голосить:

— Да что же это за горе на нашу голову!

Дядя Нильссон мрачно кивает.

— Все кончено, — изрекает он глухо. — Нет больше Мадикен.

Очень приятный печальный день

Мадикен лежит в постели с перевязанной головой. Ей велено не двигаться.

— Только когда тебя будет рвать, тогда можешь немножечко двигаться, — говорит Лисабет.

Мадикен не умерла, и Лисабет очень рада. У Мадикен сотрясение мозга. Это не так опасно. При сотрясении мозга бывает рвота, но это не смертельно, сказал дядя Берглунд, а дядя Берглунд — доктор.

Ну и переполох был в Юнибаккене, когда Мадикен полетела, а потом лежала, как неживая, и долго не могла очнуться. Мама плакала, папа плакал — правда, поменьше, чем мама, — а Альва плакала вдвое громче, чем мама и папа.

— Это я виновата! — говорила Альва. — Но откуда же мне было догадаться, что она берет зонт для того, чтобы летать!

И вот Мадикен лежит в постели и ничегошеньки не помнит, что она чувствовала во время полета. Обиднее ничего нельзя придумать. Получается, что она зря летала. А тут еще в придачу какое-то дурацкое сотрясение мозга! Дядя Берглунд сказал, что ей придется лежать в постели по крайней мере четыре дня.

Когда Мадикен услышала это от мамы, она заревела во весь голос:

— Четыре дня! Я не могу столько! В среду будет экскурсия, и мне надо...

— Ничего тебе не надо, — говорит мама, — довольно с тебя одной экскурсии.

Лисабет кивает головой:

— Довольно с тебя одной экскурсии. А теперь лежи и реви!

Тут уж Мадикен задает им Великое Землетрясение. Так папа называет скандалы, которые закатывает Мадикен, когда она не помнит себя от ярости и отчаяния. Слезы брызжут у нее из глаз, и она орет на весь дом:

— Я хочу на экскурсию! Я поеду на экскурсию! У-у-у, лучше бы я умерла!

Лисабет с интересом наблюдает и пытается ее утешить:

— В моей школе у всех детей было сотрясение мозга, и никто не пойдёт на экскурсию.

Мама тоже пытается утихомирить Мадикен:

— Если ты будешь так плакать, у тебя еще больше разболится голова.

— Пускай! Мне все равно! — вопит Мадикен. — Лучше бы я умерла!

Расстроенная мама встает и уходит из комнаты. Линус Ида занята на кухне, она помогает Альве варить яблочное повидло. Услышав дикие крики, она идет наверх в детскую и, строго глядя на Мадикен, говорит:

— Право слово, Мадикен, ты ведешь себя безбожно! Помни о своем Создателе смолоду, сказано в Писании. Так вот ты и вспомни о нем, вместо того чтобы призывать к себе смерть!

Но Мадикен ни о чем не желает помнить, кроме экскурсии, и она кричит на Линус Иду:

— Оставьте меня в покое!

Линус Ида озабоченно качает головой.

— Вот оно что! — говорит она. — Знакомая песенка! Как видно, к нам опять пожаловал Себастьян Нигге.

Для Линус Иды нет никого хуже Себастьяна Нигге. Он является в дом, когда Мадикен и Лисабет ведут себя не так примерно, как следует по ее понятиям. На первый взгляд кажется, что в постели лежит и скандалит Мадикен. Но это только так кажется. На самом деле — это Себастьян Нигге, а настоящая послушная Мадикен сидит в это время в печной трубе и не может оттуда выйти, пока Себастьян Нигге не соизволит убраться восвояси.

— Вот беда, что он как раз сегодня к нам нагрязнул! — говорит Линус Ида.

— А по-моему, это даже лучше, — говорит Лисабет. — Значит, и голова болит у него, и рвет тоже его, а Мадикен сидит себе в печной трубе, и ей хоть бы что!

Мадикен исподлобья сердито смотрит на Лисабет и Линус Иду. Для Лисабет детские сказки про Себастьяна Нигге, может быть, и хороши, а Мадикен из них давно выросла.

— Ладно уж! Лежи себе и не ерепенься! — говорит Линус Ида. — Радуйся, Мадикен, что жива осталась. А то, вишь, она летать вздумала! Еще немного, и убились бы насмерть.

Но Мадикен что-то не радуется. Она с головой закрывается одеялом и плачет. Каждый день она просыпается с надеждой на чудо — вдруг сейчас войдет мама и скажет так:

— Подумаешь, сотрясение мозга! Ну и что такого? А между прочим, самое верное средство от него — пойти на экскурсию! Может быть, в среду ты все-таки поедешь с классом? Ну, что ты скажешь?

Однако мама ничего подобного не говорит. Она только ободряюще улыбается несчастной Мадикен и гладит ее по щечке.

— Не огорчайся, детка, — говорит мама. — Мы придумаем тебе в утешение другое удовольствие.

Хорошенькое утешение — другое удовольствие! Да разве есть на свете что-нибудь такое, что может быть лучше экскурсии!

Во вторник вечером Мадикен молится Богу, чтобы он помог ей в этом горе. Она молится шепотом под одеялом, чтобы Лисабет не услышала:

— Добренький Боженька, помоги мне! Мне так хочется на экскурсию. Сделай так, чтобы дядя Берглунд позвонил маме и сказал, что я уже выздоровела. Я правда уже здорова. Только надо поскорее, а то мы не успеем приготовиться, а мне надо взять в дорогу бутерброды и шоколад, и Альва еще должна погладить мою матроску. Так что ты уж скажи дяде Берглунду, чтобы он скорее звонил. Пожалуйста, милый Боженька! А то мне так хочется на экскурсию! Аминь.

Окончив молитву, Мадикен напряженно ждет, чтобы зазвонил телефон. Но звонка нет и нет. Только Лисабет без конца канючит из соседней кровати:

— Расскажи про привидения, про убийц и про войну!

Но Мадикен не до рассказов. Она еще долго прислушивается к телефону.

Так и не дождавшись звонка и всплакнув, она наконец засыпает...

В среду Мадикен просыпается спозаранку. За окном солнце, синее небо. Такой прекрасный день для всех счастливиц, у кого нет сотрясения мозга! Мадикен сразу посмотрела на часы. Скоро восемь. А в восемь часов отправляется поезд. Все ее одноклассники, наверное, уже в сборе и ждут на перроне. В своем воображении Мадикен видит, как они хохочут, тараторят, живо влезают в купе и, сгрудившись у окна, выглядывают наружу. Как им весело ждать, когда поезд запыхтит и тронется в путь!

Мадикен не отрывает тоскливого взгляда от часов с кукушкой, которые висят напротив ее изголовья. Часы тикают, и минутная стрелка все ближе придвигается к восьми. Вот выскакивает кукушка и принимается куковать. Откуковав без всякого смущения восемь раз, она прячется в домик. А Мадикен разражается слезами, потому что поезд уехал, а она, несчастная, должна лежать в кровати, и никогда, никогда у нее не будет ничего хорошего!

Рядом просыпается в своей кровати Лисабет. У нее прекрасное настроение. Лисабет не понимает, какой сегодня печальный день, она даже принимается распевать:

Снег был на дворе,
Кошка по снегу прошла,
То, мой друг, любовь была.

Она пропела песенку в точности, как ее научила Мадикен. Но Мадикен ни с того ни с сего как зашипит:

— Цыц, несмышленьш! Цыц, тебе говорю!

— Вон оно что! Знакомая песенка. Как видно, к нам опять пожаловал Себастьян Нигге, — говорит Лисабет, чувствуя себя Линус Идой.

Но тут отворяется дверь и входит мама с подносом. На подносе стоят две большие голубые кружки, кувшинчик с шоколадом и блюдо с горячими вафлями.

Лисабет смотрит на это круглыми глазами.

— У меня сегодня рождение? — спрашивает она.

— Нет, — отвечает мама. — Чтобы доставить себе удовольствие, не обязательно ждать дня рождения. Поднимайся, Мадикен, и садись! Вот тебе шоколад и вафли.

Мадикен медленно выползает из-под одеяла. Глаза у нее заплаканные. Мама целует ее в щечку и подает вафли с шоколадом. Не говори ни слова, Мадикен принимается за еду. Она молча уплетает вафельные сердечки одно за другим. Ресницы у нее еще мокрые от слез, и день сегодня, как известно, печальный, но вафли с шоколадом — это, как-никак, хорошо.

— Вкусно, — говорит Мадикен. — Как будто обычный день рождения.

— Конечно, — говорит мама. — Мне тоже так кажется.

Мама опять уходит.

Лисабет быстро расправилась с завтраком. Начисто облизав пальцы, перепачканные в сахаре и сливках, она вылезает из кровати. Пора одеваться.

Едва Лисабет закончила одевание, как снизу послышался звонок, кто-то пришел.

— Это почтальон, — говорит Лисабет. — Хочешь, я пойду вниз и узнаю, не принес ли он что-нибудь для нас?

Правда, для Лисабет и Мадикен очень редко бывает почта, однако они на всякий случай каждое утро заглядывают в почтовый ящик. Но сейчас Мадикен только пожимает плечами. Сегодня печальный день, с какой стати для них сегодня будет почта?

Но Лисабет уже побежала вниз. Оставшись одна, Мадикен может всласть предаваться мыслям об экскурсии. Она глядит на часы... Поезд уже

приехал на место. Сейчас ребята, наверно, идут по дороге и поют, все ее товарищи... Она так ясно видит, как они бодро шагают парами. Скоро они придут на гору и будут есть бутерброды, а она лежит в постели и никогда не увидит ничего хорошего!

И тут к ней влетает запыхавшаяся Лисабет.

— С ума сойти, Мадикен! — кричит она. — Для тебя есть три открытки и посылка!

— Да что ты? — восклицает Мадикен и, сразу оживившись, подскакивает на постели.

А надобно вам сказать, что Мадикен и Лисабет собирают открытки. У каждой набралось уже почти по целому альбому. На день рождения или именины, бывает, получаешь замечательные открытки. Иногда с цветочками, иногда с котятами или щенками, а иногда с нарядными бородатыми дяденьками в обнимку с дамами в прекрасных платьях. Открытки бывают глянцевые, эти — самые лучшие. А сейчас Мадикен получила сразу три глянцевые открытки, хотя у нее сегодня не день рождения и не именины, а всего лишь было сотрясение мозга.

Мадикен даже вся покраснелась при виде открыток. Ах, до чего же они красивые! На первой нарисован белый голубок с алой розочкой в клюве, на другой прекрасный ангел летит по темно-синему небу среди золотых звездочек, а на третьей мальчик в бархатном костюмчике держит в руках большущий букет желтых роз.

При виде такого богатства Мадикен даже вздыхает от избытка счастья, и к горлу у нее подкатывает комочек — такая это неземная красота!

— Ты посмотри, от кого открытки! — напоминает Лисабет.

Мадикен поспешно переворачивает открытки другой стороной.

«От хорошего друга», — написано на всех трех печатными буквами.

— И кто бы это только мог быть? — говорит Мадикен.

Обычно открытки бывают от бабушки, от кузин, а тут — от какого-то друга. Очень странно и непривычно получить открытку неведомо от кого.

— Может быть, это Аббе? — подсказывает Лисабет.

— И сразу три открытки? Он же не сумасшедший! — говорит Мадикен.

Она так обрадовалась открыткам, что совсем забыла про посылку. Но сейчас она вспомнила и торопливо начинает ее потрошить.

Внутри оказывается картонка, а в ней много-много шелковистой розовой бумаги. Мадикен и Лисабет обмениваются взглядами, обе дрожат от нетерпения. Под этой шелковой бумагой может оказаться все, что угодно. Какое это восхитительное чувство, когда ты не знаешь, что

спрятано внутри! Мадикен наклоняет лицо и нюхает:

— Как ты думаешь, что это такое?

Лисабет тоже нюхает:

— Не знаю.

— Посмотреть, что ли?

— Каттегоритчески!

Зашуршала бумага под нетерпеливыми руками Мадикен. Лисабет смотрит, затаив дыхание.

Сверху лежит письмо. На конверте написано: «Мадикен от бабушки». Но бабушка прислала еще что-то, кроме письма. Ой, и правда! Там лежит маленький-маленький пупсик и маленькая-маленькая ванночка, чтобы купать пупсика, и маленькая-маленькая бутылочка с соской, чтобы его поить, и маленькое-маленькое мыльце, чтобы его мыть. А еще там лежит мешочек с бусинками, которые надо самим нанизать на нитку, и будет ожерелье, и две маленькие зеленые коробочки с хорошенькими картинками на крышках, а внутри каждой — розовая свинка из марципана и перстенок.

Лисабет таращит глаза на богатства, которые получила Мадикен, и лицо у нее делается все более задумчивым. Наконец она обиженно говорит:

— Я тоже хочу сотрясение мозга!

Тогда Мадикен берет в каждую руку по коробочке.

— Которую ты выбираешь? — спрашивает она. — Тебе колечко с красным камешком или с голубым?

— С зелененьким, — говорит Лисабет.

— Вот дурочка! — говорит Мадикен. — Зелененького нету.

— Тогда я хочу голубенький, — решает Лисабет. — Ой, какая же ты добренькая, Мадикен!

Мадикен и сама считает, что она очень добрая, и ей от этого приятно. И еще ей приятно, что обида прошла и что она отвязалась от мыслей об экскурсии.

— На горе, может быть, очень здорово, — говорит Мадикен. — Но думаю, что с крыши сарая вид был наверняка еще лучше.

— Каттегоритчески! — говорит Лисабет. — Оттуда же видно кузню Нильссонов.

Мадикен и Лисабет надели перстеньки и любуются, растопырив пальцы. Им кажется, что они сейчас настоящие взрослые дамы.

— Мой камушек алый, словно капелька крови, — говорит Мадикен. — А твой, Лисабет?

— Мой камушек голубенький, словно небо, — говорит Лисабет. И в общем она права.

Девочки надолго занялись своими колечками. Они их сравнивали, положив рядом руки, и рассуждали, которое из них красивее.

Оказывается, Мадикен больше любит красные камешки, потому что они алые как кровь, а Лисабет больше любит голубые, потому что они голубенькие.

— Ой, я же еще не прочитала бабушкино письмо! — спохватывается вдруг Мадикен и разрывает конверт.

Бабушка написала письмо печатными буквами, потому что Мадикен еще не умеет читать по-письменному. Лисабет удивляется, как это Мадикен, посмотрев на крошечные закорючки, узнаёт, о чем написала бабушка.

— Неужели ты правда уже умеешь? — спрашивает она.

Конечно, Мадикен умеет. Разобрав по складам, что написано, она поняла все, что ей хотела сказать бабушка. Бабушка хочет, чтобы она отдала одну коробочку Лисабет, а бусинки из мешочка поделила поровну на двоих.

— Видишь, какая я добрая! — говорит Мадикен. — Я отдала тебе коробочку раньше, чем прочитала письмо.

— Ты добрая, Мадикен, — говорит Лисабет и тянет к себе мешочек. — Давай сюда мои бусы, я сделаю себе ожерелье!

Но Мадикен хватается мешочек и вырывает у нее из рук.

— А ну, отдай! — говорит она. — Вот когда у меня будет время, тогда я поделю. А пока подожди.

— У тебя сейчас есть время, — говорит Лисабет.

— Представь себе — нет! — отвечает Мадикен.

Она берет со столика стакан и наливает себе воды из графина. Потом медленно, маленькими глоточками выпивает его до дна. Потом берет розовую бумагу и начинает разглаживать ее. Затем она сгибает каждый листочек в несколько раз и складывает аккуратной стопочкой — сразу видно, что она занята делом, ей некогда пересчитывать бусины. Тем временем она про себя размышляет. Вообще-то мешочек с бусами — пустяк по сравнению с нарядной коробочкой, думает Мадикен. Но почему-то ей легче было расстаться с коробочкой, чем поделиться бусами. В душе Мадикен чувствует, что ей хочется оставить себе весь мешочек. Но она знает, что, если не дать сестренке бус, та пойдет к маме и наябедничает, и уж тогда, хочешь не хочешь, придется делиться.

Мадикен очень обстоятельно и аккуратно укладывает бумагу в картонку и наконец со вздохом говорит:

— Ну вот, теперь у меня есть время.

Она высыпает бусы на поднос и делит их поровну на две кучки.

Осталась одна лишняя желтая бусина, самая большая, и Мадикен отдает ее Лисабет.

— На, это тебе! — говорит она.

Потому что жадность нападает на Мадикен не чаще двух раз в день, да и то ненадолго.

Потом Мадикен и Лисабет нижут бусы и в ожерельях становятся такими нарядными, что дальше некуда. Потом они играют с пупсиком, купают его в ванночке, моют душистым мыльцем, а после купания укладывают спать в ящичек из-под сигар и дают ему попить из соски.

— Надо же! — говорит Мадикен. — Такой печальный день, а на самом деле оказался очень приятный.

Лисабет с ней соглашается:

— Даже очень приятный печальный день.

Но под конец Лисабет устала, и ей захотелось на улицу.

— Мне надо погулять с Сассо, — говорит она — и шмыг за дверь.

Играть одной неинтересно, Мадикен стало скучно, и она не знает, чем бы ей заняться.

Но тут как раз пришел с работы папа, чтобы позавтракать. На минутку он заглядывает в детскую.

— Как идут дела? — спрашивает папа.

— Шик-блеск! — отвечает Мадикен. — Только мне скучно.

— Ну так почитай газету, — говорит папа и достает ее из кармана. — А вот тебе в придачу альбом для рисования. Нарисуй мне что-нибудь хорошее, а я посмотрю, когда вернусь к обеду.

Мадикен умеет уже читать так быстро, что даже учительница удивляется. И когда папа ушел, она послушно развернула газету, но мало что в ней поняла. Больше всего там написано о войне, потом есть еще объявления о продаже быков и свиней, о том, что кто-то умер, о помолвках и о превосходных пальто и платьях для дам. Там есть еще много чего другого, но, кажется, это все очень скучные вещи. Мадикен с недоумением вчитывается в заголовки. В одном месте большими буквами написано: «Из минувших времен». Мадикен раньше не встречала этого слова и не знала, что такое «минувшие» времена, но быстро догадалась. Оказывается, там написано, как жили люди до нас. Как им, бедняжкам, скучно жилось! Мадикен вздыхает и откладывает газету в сторону. Как странно, папа сам такой шутник, а делает такую скучную газету! Он ведь редактор. Значит, это он решает, что надо напечатать. Отчего же он не придумает что-нибудь поинтереснее? Должно быть, это трудно — писать газету... А что, если попробовать, как это на самом деле? — думает Мадикен. И вот она решает

сделать свою газету. Конечно, она не может ее напечатать, но ведь можно написать печатными буквами, а заголовки она вырежет из папиной газеты, вот и будет все по-взаправдашнему.

Разложив на подносе альбом для рисования, карандаш, ножницы и баночку с клеем, Мадикен берется за дело. Сверху она приклеивает на чистом листе заголовок «Из минувших времен», который вырезала из папиной газеты. Теперь надо сообразить, что под ним написать. Мадикен в задумчивости грызет карандаш. Потом она пишет:

Из минувших времен

Щас я расскажу чего делали дети впрежние времена они слушали маму но были икапризули и непаслушные уних были каменные тапоры но скоро они научились стрелять изружья

Больше Мадикен не хочется писать про минувшие времена. Она берет ножницы и вырезает из папиной газеты новый заголовок: «С места военных действий». Наклеив его на новый лист, она опять задумывается и опять грызет карандаш. Подумав немного, она выводит:

С места военных действий

На войне страшно салдаты сидят вакопах и мерзнут. Но один салдат спрыгнул с зонтеком и незаболел сытрисением мозга. Он выпрыгнул из аэраплана.

На этом Мадикен кончает писать про войну. Теперь надо поискать, что еще подскажет ей папина газета. Объявления... Объявления тоже, наверно, нужны, чтобы газета была как настоящая.

Она вырезает заголовок «Смерти» и наклеивает его на чистый лист. И опять она в раздумье грызет карандаш. На этот раз долго размышлять не пришлось. Радостно кивнув, Мадикен начинает писать.

Написав объявление, Мадикен рисует вокруг черную рамку. И тут она чувствует, что больше ей уже не хочется делать газету, а лучше она порисует. Мадикен делает рисунок для папы. На рисунке изображено, как Мадикен летит с крыши сарая. Рисунок получился очень хороший. Папа его увидел, когда пришел обедать. Папе тоже понравился рисунок. Мадикен

в купальном халате сидит за столом вместе со всеми. Ездить на экскурсии ей, может быть, еще и нельзя, но уж есть пюре и яблочный крем, конечно, можно.

А потом наступил вечер, Мадикен и Лисабет лежат в своих кроватках и собираются спать. Но сперва в детскую приходят мама и папа посидеть с девочками на сон грядущий. Мама рассказывает им о приключениях принца Хатта в подземном королевстве, а папа показывает на стене забавные тени. Керосиновая лампа освещает детскую слабым светом, но папа снял абажур, свет сделался ярче, и тени получились замечательные. Они шевелятся на стене, иногда там появляется козлик с рожками, иногда танцующая девочка, а иногда просто шевелятся папины руки, и все.

Как это здорово, когда папа и мама приходят в детскую вместе! Мадикен хотела бы, чтобы они сидели долго-долго. Но вот мама говорит:

— Ну все! Пора наконец спать.

И ведь надо же! Лисабет уже спит. А Мадикен в этот вечер еще долго не засыпает. Она опять думает об экскурсии. Экскурсия, конечно, давно уже кончилась, но все-таки! Послезавтра Мадикен пойдет в школу, она хорошо знает, о чем там будут разговоры. Все-все дети только и будут говорить, как там было здорово, как восхитительно, все — кроме Мадикен! Ах, ну почему так вышло, что ей не разрешили поехать!

А на небе сегодня такие большущие звезды! Сквозь щели в жалюзи видно сразу много звезд. Они почти такие же красивые, как на открытке с ангелом. Мадикен принимается считать звезды, но у нее плохо получается. Она считала-считала и захотела спать.

Весь дом уже спит, спит Юнибаккен на берегу реки, среди белых берез. В доме темно, только мама еще не спит. Скоро и она уснет, но сперва заглянет в детскую, чтобы подоткнуть одеяльца у своих дочек.

Вот мамин зеленый ночничок осветил кроватку Лисабет. Лисабет, как всегда, спит на животе. Видна только полоска загорелой шейки и густая копна золотистых кудрей. Когда мама склоняется над ней, она бормочет сквозь сон:

— Ты с ума сошла, Мадикен!

От младшей дочки мама переходит к большенькой. А большенькая, когда спит, кажется совсем еще маленькой, и на бледном личике резко чернеют густые ресницы. На полу возле кровати валяется какой-то листок. Мама поднимает его и, поднеся к ночнику, читает:

С радостью извещаем
скончался
наш пративный гаткий
Себастьян Нигге
Похорон небудет

В пятницу утром Мадикен отправляется в школу. Она уныло плетется, еле волоча ноги. Не хочет Мадикен приходить в школу и слушать разговоры об экскурсии.

Через двадцать минут она возвращается и вихрем врывается в калитку. Галопом — нет! как на крыльях — она влетает в кухню, до полусмерти перепугав маму, которая, конечно же, должна была подумать, что случилось что-то ужасное. Как же Мадикен могла вернуться, когда идут уроки, да еще в таком ошалелом виде?

— Мама, — выпаливает Мадикен, еле переводя дух, — у нас будет экскурсия... сегодня... прямо сейчас... в среду ничего не было...

Учительница оступилась на лестнице... Ой, как я рада!.. У нее было сотрясение мозга... налейте мне шоколаду в термос... А где моя матроска?.. Скорее, мама, скорей!

В это время, как всегда по пятницам, приходит Линус Ида, чтобы сделать большую уборку, и у калитки сталкивается с Мадикен. Мадикен выбегает в матросском платье и матросской шапочке. Как она сияет и как весело подскакивает у нее на спине рюкзачок, потому что на радостях она бежит вприпрыжку!

— Я еду на экскурсию! — говорит Мадикен. — Я так счастлива!

— Вон оно что! — говорит Линус Ида. — А кто это у нас недавно ревел в постели и собирался умирать? Сегодня-то вроде бы на другой лад поешь?

— Ха-ха! — отвечает Мадикен. — Это Себастьян Нигге собрался умирать. Он и помер. Вон, даже в газете написано.

— В какой же это газете? — спрашивает Линус Ида.

— Ха-ха! — смеется Мадикен. — Не скажу!

С этими словами она убегает на экскурсию. Она поедет на поезде и будет сидеть на горе и есть бутерброды. Удивительно ли, что она так и лучится радостью!

Лисабет запихивает себе в нос горошину

Вот и осень настала, и в Юнибаккене по четвергам едят гороховый суп. Но не подумайте, что Лисабет каждый четверг запихивает себе в нос горошину, это случилось только один раз. Лисабет вообще мастерица засовывать разные вещи куда не надо. Ключ от комнаты прислуги она однажды засунула в почтовый ящик, мамино колечко бросила в свинью-копилку, папины велосипедные защипки сумела-таки затолкать в пустую бутылку... Все это она проделывает не назло, а просто чтобы посмотреть, получится или нет. Приятно ведь, когда удастся просунуть вещь туда, куда она, казалось бы, ни за что не пролезет. А тут глядь, на полу горошина! Лисабет ее сразу хватъ и мигом запихала себе в нос. Ей просто интересно было узнать, залезет ли горошина. Залезла! Да еще как глубоко!

Тогда Лисабет захотела вынуть горошину обратно. Она уже убедилась, что горошина вошла. А горошина-то и не поддается! Застряла и никаких! Лисабет уж ковыряла-ковыряла — не вылезает горошина. Тогда Лисабет побежала за помощью к Мадикен. Мадикен тоже поковыряла. Нет, не получается, горошина не желает вылезать.

— Может быть, она уже пустила корешки, — рассуждает Мадикен. — Вот увидишь, скоро у тебя из ноздрей прорастут гороховые цветы... Хорошо бы, если бы вырос душистый горошек.

Этого Лисабет уже не стерпела и заревела в голос. Душистый горошек ей очень нравится, но пускай он себе растет в саду на клумбе, а не так, чтобы у нее из носа! С оглушительным ревом она бежит к маме.

— Мама, у меня в носу застряла горошина, вынь ее обратно! Не хочу в носу горошину!

— Ой! — говорит мама. — Ой-ой-ой!

У мамы сегодня опять разболелась голова, мама хочет спокойно полежать и подремать, а не вытаскивать у Лисабет из носа горошину.

— Не хочу горошину! — кричит Лисабет. — Выньте горошину!

Мама берет шпильку и пробует достать горошину. Поковыряла, поковыряла — нет, ничего не получается. Горошина застряла и не выходит.

— Мадикен, — говорит мама, — придется тебе отвести Лисабет к дяде Берглунду. Наверно, он сумеет вынуть у нее горошину.

— Правда, сумеет? — спрашивает Лисабет.

— Конечно, — говорит мама и снова ложится в постель. Уж очень у нее болит голова.

— Давай, Мадикен, пошли скорее! — говорит Лисабет.

Она ведь не знает, сколько времени нужно горошине, чтобы прорасти.

Вдруг она возьмет и прорастет по дороге — вот будет ужас! Лисабет боится, что люди будут над ней смеяться.

Мадикен ее утешает: если, мол, и вырастет из носу душистый горошек, то в этом нет ничего страшного.

— Ты можешь оторвать ростки, никто ничего и не увидит. А ты их воткнешь себе в петличку, — говорит Мадикен.

Ну, Лисабет вообще-то не из тех, кто долго ломает голову над разными пустяками вроде какой-то горошины. Скоро она уже будет у доктора — с горошиной, можно сказать, покончено. А вот самостоятельный поход в город с Мадикен не каждый день случается!

— Вот здорово-то будет! — говорит Лисабет. — Пошли, Мадикен!

Дядя Берглунд живет далеко. Он живет возле большой площади в самом центре города, а усадьба Юнибаккен находится на окраине.

Мадикен ведет младшую сестренку за руку. Мама порадовалась бы, если бы видела, что они идут так, как полагается.

— Мало ли какая еще глупость взбредет тебе в голову, — говорит Мадикен и чувствует себя при этом взрослой и рассудительной. Она как-то совсем забыла, кому из всей семьи чаще всего взбредают на ум разные глупости. Однако же поход в город — это и впрямь так здорово, что Мадикен не пристаёт к Лисабет с дальнейшими нравоучениями.

Вся улица засыпана опавшими листьями. Когда подденешь ногой, они так славно шуршат! И Мадикен с Лисабет старательно загребают ногами, расшвыривая кучи листы. От усердия они размахивают руками, щеки у обеих разругались. Воздух прохладен и свеж, а цветы в садах завяли и побурели. Лисабет может не беспокоиться... по всему видно, что лето отцвело и душистый горошек не покажется.

— А не проведать ли нам Линус Иду? — говорит Мадикен. — Мы ведь долго не задержимся, а только заглянем на минуточку.

— Мы не задержимся, а только заглянем, — говорит Лисабет.

У Линус Иды они давно не бывали в гостях, а горошина пускай себе подождет, ничего с ней не сделается.

И Мадикен, и Лисабет очень любят Линус Иду, а уж о ее домике и говорить нечего! Домик Линус Иды — самый маленький во всем городе. Потолок в нем такой низкий, что Линус Ида только-только не достает до него головой. В доме одна маленькая-маленькая комнатка и маленькая-премаленькая кухонька. Зато какая же там красота! На окошках у Линус Иды стоят цветы, а над кроватью висят две чудесные, ужасно страшные

картины. Еще там есть открытый очаг, и она всегда печет в нем яблоки для Мадикен и Лисабет. Поэтому глупо было бы пройти мимо и не заглянуть к ней по пути.

Только собрались Мадикен и Лисабет постучать в дверь, как заметили на ней записку. Мадикен прочитала: «Скоро вернусь». Значит, Линус Ида куда-то ушла. По счастью, девочкам спешить особенно некуда, можно и подождать. Тем более что дверь не заперта на замок, а только притворена.

В домике Линус Иды все так замечательно, что просто чудо! Девочки греются у горящего очага и разглядывают страшные картинки над кроватью Линус Иды. На одной нарисовано извержение вулкана. Мадикен и Лисабет содрогаются от ужаса, глядя, как разбегаются на картинке бедные людишки, спасаясь от огня. Хорошо все-таки, что в Швеции горы не извергаются! Вторая картинка тоже очень страшная. На ней много-много мужчин, которые тонут в реке. Видно, как им всем страшно и как они хотят выбраться на берег. Река так бурно разлилась, хотя она вытекает из опрокинутой бутылки, которая валяется на земле. «Неужели и ты хочешь захлебнуться в водке?» — написано под картинкой. Мадикен и Лисабет содрогаются. Нет, они уж как-нибудь поостерегутся, чтобы не угодить в эту реку!

— В жизни не видала лучше картины! — говорит Мадикен.

— Каттегоритчески! — говорит Лисабет.

Затем они глядят на фотографии Эстер и Рут. Это дочери Линус Иды. Фотографии присланы из Америки. Рут и Эстер живут там. Обе они — настоящие дамы в красивых цветастых платьях, и волосы у них уложены в прическу, похожую на птичье гнездо. Их фотографии стоят у Линус Иды на комод, а сами они живут в Чикаго и никогда уже не вернутся домой.

Напротив комода висит гитара Линус Иды. Мадикен осторожно дергает струну, и раздается восхитительный звук. О, Мадикен, кажется, отдала бы все на свете за то, чтобы научиться играть на гитаре, как Линус Ида!

А Лисабет музыкой не интересуется. Она подходит к окну и смотрит во двор, нет ли там чего-нибудь занимательного. Нет, ничего не видно, одни только бочки с мусором, да маленькая лужайка, да посередине большое дерево, а вокруг лужайки стоят домишки, очень похожие на домик Линус Иды. Все это совершенно неинтересно. А вот что интересно, так это рыжая девочка, которая сидит на крыльце одного из домиков. Это, должно быть, Маттис, о которой Лисабет наслышалась от Линус Иды, и вот с ней-то она не прочь потолковать.

— Я скоро вернусь, — говорит Лисабет.

Но Мадикен уже сняла со стены гитару и принялась играть, так что она ничего вокруг не видит и не слышит. Она трогает струну и долго слушает, как замирает звук. Она вслушивается в себя — каждый звук отзывается у нее внутри, и ей делается хорошо и радостно.

А Лисабет уже выскочила во двор. Вон и Маттис сидит у себя на крыльце. У нее в руках ножик, и она обстругивает какую-то палочку, делая вид, будто не замечает, что тут появилась Лисабет. Лисабет медленно приближается и останавливается на почтительном расстоянии, как того требуют правила приличного поведения. Лисабет стоит и выжидает. Наконец Маттис подняла голову.

— Соплячка! — говорит она отрывисто и решительно и опять принимается строгать палочку.

Лисабет обиделась. Если хорошо разобраться, кто тут соплячка и кому надо утереть нос, то уж скорее это относится к Маттис.

— От соплячки слышу! — говорит Лисабет и тут же пугается своих слов. Маттис не старше Лисабет, но вид у нее очень решительный и грозный.

— А вот как пырну сейчас ножом! Ты этого захотела? — спрашивает Маттис.

Лисабет молчит и не отвечает. Она пятится назад и, отступив на несколько шагов, высовывает язык. Маттис тоже высовывает язык, затем говорит:

— А у меня есть два кролика, а у тебя-то и нету! Накась, выкуси!

Такого выражения Лисабет еще никогда не слышала, но догадывается — раз Маттис ей так говорит, то это, наверное, что-то обидное. За Лисабет дело не стало. Подхватить хорошее новое словечко она — всегда пожалуйста!

— А у меня есть кошка Гося, а у тебя-то и нету! Накась, выкуси! — говорит Лисабет.

— Ха-ха! Удивила! Уж кошек тут полным-полно, прямо спасу нет! — говорит Маттис. — Мне кошки и даром не надо, хоть ты меня озолоти.

Наступает молчание. Лисабет и Маттис уставились друг на друга, кто кого переглядит. Первая заговаривает Маттис:

— А мне вырезали аппендицит, у меня на животе здоровенный рубец, а у тебя-то и нету. Что? Выкусила?

Теперь черед Лисабет. Она быстро думает. Неужели ей нечем похвастать перед девчонкой, у которой есть рубец на животе? Ну конечно же, есть чем!

— А у меня горошина в носу! Выкусила? А у тебя-то и нету!

Но Маттис отвечает ей с издевательским смехом:

— Подумаешь, горошина! У меня их столько, что можно полный нос набить! Тоже мне, удивила!

Лисабет так смущена, что в ответ только и может пробормотать:

— А вот если у меня вырастет душистый горошек...

Но этого бормотания почти не слышно — ведь если ей самой не нужен душистый горошек, чем же тут особенно хвастать?

В это время сидящая на крыльце Маттис утирает нос рукавом. И тут Лисабет сразу сообразила.

— Знаешь что, — говорит она, — не можешь ты набить нос горохом, у тебя нос и так соплями набит. Эх ты, соплячка!

Тогда Маттис окончательно свирепеет.

— Вот я тебе сейчас покажу соплячку! — кричит она и кидается на Лисабет.

Лисабет машет руками и обороняется как умеет. Но Маттис очень сильная. Она орудует кулаками, как заправский боксер, колотит свою противницу и припирает ее к стенке. Тогда Лисабет вопит что есть мочи:

— Мадикен! Мадикен!

С какой стати Лисабет даст себя поколотить, когда у нее есть старшая сестра! С Мадикен не пропадешь, она умеет драться, будь здоров!

Когда Мадикен разозлится — а разозлить ее нетрудно, — тогда она себя не помнит и сама не знает, что делает. Она так налетит, что только держись! Уж мама ей говорила-говорила, и все не впрок. «Нехорошо, когда девочка дерется», — говорит мама. Но Мадикен все время забывает мамины наставления и вспоминает только потом, когда уже поздно. Чаще всего Мадикен позже раскаивается и говорит себе, что никогда больше не будет драться. Но она ни за что не потерпит, чтобы кто-то нападал на ее младшую сестренку. Мадикен стремглав вылетает из двери, как оса из своего гнезда. Не успела Маттис и глазом моргнуть, как получила такого тумака, что сразу шлепнулась на землю.

— Ну что? Выкусила? — спрашивает Лисабет.

Ишь обрадовались! У Маттис небось тоже есть старшая сестра.

И сразу, откуда ни возмись, из ближайшего дома, точно оса из гнезда, вылетает — кто бы вы думали? — Мия, девочка, которая учится в одном классе с Мадикен и у которой в голове много вошек.

Маттис ревет благим матом и показывает пальцем на Мадикен:

— Вон она меня сейчас так треснула, что я даже свалилась!

— Ты же сама первая полезла, чумичка эдакая! — встревает Лисабет с объяснениями, но ее никто не слушает.

Мадикен и Мия уже схватились врукопашную. Мия — маленькая, жилистая и вредная, как заноза; она щиплет, царапается и норовит вцепиться в волосы. Не то что Мадикен — та дерется, как мальчишка, честно и по-борцовски, к тому же она сильная. Вскоре Мия оказывается на лопатках и даже не может царапаться, потому что Мадикен сидит на ней верхом и крепко держит за руки.

— Будешь просить пощады? — спрашивает она.

В ответ от Мии слышится такое, что просто ужас:

— У тебя ни за что, чертова кукла!

Мадикен и Лисабет в страхе вытаращились на Мию. Можно сказать «соплячка», можно — «чумичка», но чертыхаться никак нельзя, кто чертыхается, попадет в ад, говорит Линус Ида.

Бедная Мия! От жалости Мадикен отпустила руки своей противницы. Нельзя же драться с человеком, который попадет в ад. Но Мия сразу вскочила и — бац — Мадикен прямо в нос. Удар не так и силен, но его оказалось достаточно — у Мадикен пошла из носу кровь. С Мадикен это часто случается, и Лисабет обыкновенно даже не обращает внимания. Но сейчас она при виде крови, капающей из носа Мадикен, поднимает такой крик, точно ее режут.

— Мадикен умерла! — вопит Лисабет. — Мадикен умерла!

Но тут вовремя подоспел ангел-спаситель — прибежала Линус Ида.

— Право слово, вы, кажется, с ума посходили! Совсем оголтелые!

Твердой рукой она хватает Мию и Мадикен и растаскивает их в разные стороны.

— Ишь какую манеру взяли! Как не стыдно!

Мадикен и Лисабет сразу же устыдились. Зато Мия и Маттис — нисколько. С перепугу они пустились наутек, но, укрывшись в своем доме, стали из-за двери дразниться, показывая Мадикен и Лисабет длинный нос. На дворе уже начало смеркаться, но Мадикен и Лисабет ясно видят две копны рыжих волос и глумливые ухмылки на лицах.

— Получили по мордасам, соплячки, так вам и надо! — кричит Мия.

А Маттис ей подпевает:

— Эй вы, подите сюда! Мы вам обеим врежем по мордасам!

— Ну и девочки! — ворчит Линус Ида. — Помяните мое слово, когда-нибудь они добьются, что сядут в тюрьму.

Оказывается, от драки можно устать. И Мадикен, и Лисабет очень рады, что сейчас могут отдохнуть в домике Линус Иды. Линус Ида ворчит на них и бранится. «Нет, вы только посмотрите на себя! А на кого похожа Мадикен!» У Мадикен кровь так и льется из носу, нарядное синее

пальтишко стало пыльным и грязным. Но Линус Ида положила ей на нос холодную примочку, а пальтишко почистила щеткой, и оно опять сделалось нарядное, как было. Затем Линус Ида подбросила в очаг дров, и вот уже девочки с Линус Идой сидят у огня, пекут яблоки, а Линус Ида играет им на гитаре и поет.

— Еще, еще! — просят Мадикен и Лисабет всякий раз, как Линус Ида кончает песню. И Линус Ида поет подряд все свои печальные песни: «Как веет хладный ветер», «Жил-был однажды черный раб» и «Скачет рыцарь Святой Мартин», а под конец спела даже «Железную дорогу в рай». Тогда Мадикен отняла от носа мокрую тряпочку и прижала ее к глазам.

— Ха-ха! Это ты закрываешься, чтобы мы не видели, как ты плачешь! — говорит Лисабет.

Сама она никогда не плачет над песнями, какие бы они ни были грустные. Но Линус Ида уже отложила гитару.

— А теперь вам самое время отправляться домой, — говорит она девочкам. — А то мама начнет беспокоиться, куда вы подевались.

И только тут Мадикен спохватилась: а как же горошина! А доктор! Ой-ой-ой! И как это она все позабыла!

— Скорей, Лисабет! Поторапливайся! Бежим скорее! Вот тебе пальто... Держи! Побежали!

Линус Ида даже растерялась от неожиданности.

— Я же вас не гоню, девочки! Куда такая спешка? — говорит она.

Но Мадикен и Лисабет не слушают, что она говорит. Крикнув торопливо «до свиданья», они ускакали, не успев даже застегнуть пальтишки.

Через пять минут они уже звонят в дверь дяди Берглунда. У Мадикен от быстрого бега снова потекла из носа кровь, и дядя Берглунд, встретив ее в дверях, даже отшатнулся от ее страшного вида.

— Что за страсть такая? — говорит он. — Никак ты с кем-то сражалась?

— А что? Разве заметно? — спрашивает Мадикен.

— Заметно, — говорит дядя Берглунд, и это суцая правда.

Нос у Мадикен покраснел и распух, как картофелина. Ее даже трудно узнать, потому что она совсем на себя не похожа.

Дядя Берглунд ведет девочек в свой кабинет.

— Я ведь думал, что лечиться ко мне придет Лисабет. По крайней мере, мне так сказала ваша мама.

— А что, мама вам звонила по телефону? — спрашивает Мадикен с тревогой в голосе.

— Звонила. И всего лишь три раза, — отвечает дядя Берглунд.
— Ой! — вскрикивает Мадикен.
— Ой! — вскрикивает Лисабет.
— Мама не знала, куда вы подевались, — говорит дядя Берглунд. — Она уже беспокоилась, живы ли вы вообще.
— Да уж живы, конечно, — бормочет пристыженная Мадикен.
Дядя Берглунд усаживает ее на стул и засовывает ей в обе ноздри толстые ватные тампоны. Лисабет смотрит на нее и заливается хохотом.
— С ума сойти, Мадикен! — говорит она. — Ты стала как улитка. Вон у тебя белые рожки торчат.
Но после этих слов Лисабет замолчала, потому что подошел дядя Берглунд и полез ей в нос маленькими смешными крючочками. Это было не больно, но ужасно щекотно. Сначала он полез в правую ноздрю, потом в левую, потом опять в правую.
— Припомни, пожалуйста, в какую ноздрюльку ты засунула горошину! — просит дядя Берглунд.
— Вот в эту, — говорит Лисабет и показывает на левую.
Дядя Берглунд еще раз сует ей в нос свой крючок и вертит туда и сюда, так что Лисабет становится совсем невтерпеж от щекотки.
— Чудеса, да и только! — говорит наконец дядя Берглунд. — Но горошины там нет как нет!
— Конечно же нет! — говорит Лисабет. — Она же выскочила, когда мы подрались с Маттис, раз — и нету!

В этот вечер Мадикен и Лисабет никак не могут уснуть. За день столько всего случилось, и обо всем надо поговорить, лежа в постели!

Конечно, им немножко попало, когда они вернулись домой, но не так чтобы слишком. Мама была рада, что они не совсем заблудились и в конце концов нашлись, а папа только и сказал:

— Сейчас мы девочек быстренько в щечку чмок, потом надаем шлепок, и сразу в постель и спать!

На самом деле девочек только почмокали и уложили в постель без всяких шлепок, а вот спать у них никак не получается, хотя лампа в детской давно уже погашена.

— Можно, я приду к тебе в кроватку? — спрашивает Лисабет.

— Иди. Только смотри, осторожно! Не задень меня по носу, — говорит Мадикен.

Лисабет обещает лезть осторожно и крадучись перебегает из своей кроватки к Мадикен.

— Можно, я лягу головой тебе на плечо? — спрашивает она.

— Можно, — разрешает Мадикен.

Она любит, когда Лисабет кладет головку ей на плечо. Тогда ей кажется, что она совсем большая, а Лисабет очень маленькая, и от этого у нее теплеет на душе.

— Надо бы этой Маттис дать по мордасам, — говорит Лисабет, которая сегодня усвоила несколько новых слов.

— И Мии тоже надо бы дать по мордасам, — говорит Мадикен.

— Каттегоритчески! — говорит Лисабет. — А что, она и в школе такая же дурочка?

— Да вроде того, — говорит Мадикен. — Почти совсем дурочка дурочкой. Можешь себе представить, что она один раз сказала, когда учительница спрашивала нас по Библии?

Нет, Лисабет не может себе представить.

— Понимаешь, там было про то, как Бог создал первых людей. Это было в Эдемском парке. И вот, значит, Мию вызвали рассказать, как он это сделал. Так знаешь, что она сказала?

Нет, Лисабет совсем не знает.

— Она и говорит: «Бог навел на человека крепкий сон, а потом взял ведро и создал женщину»^[5].

— А разве не так? — спрашивает Лисабет.

— Ну, знаешь! Ты точно такая же дурочка, как Мия. Он вовсе не ведро взял!

— А что же он тогда взял? — спрашивает Лисабет.

— Да ребро же!

— А откуда он взял ребро? — допытывается Лисабет.

— Ну, почему я знаю! Так написано в Библии. Там же в парке было много зверей, вот он и взял ребро у кого-нибудь!

— А как же тогда зверь? — спрашивает Лисабет.

— Ну, почему я знаю! В Библии об этом ничего не сказано.

Лисабет задумалась над этой историей, а подумав, сказала:

— Надо дать этой Мии по мордасам!.. Выдумала тоже — ведро! Вот уж дурочка!

И девочки дружно решили, что Мия — дурочка. Но тут вдруг Мадикен вспоминает, какое страшное слово сказала Мия. И Мадикен приходит в совершенное отчаянье. Мадикен, конечно, согласна, что Мия заслужила получить по мордасам. Но какой ужас, что ей суждено попасть в ад! И все из-за того, что Лисабет запихала в нос горошину! В сущности, во всем виновата горошина. Иначе они с Лисабет не пошли бы в гости к Линус Иде,

и не было бы никакой драки, и Мия не сказала бы такого ужасного слова. Когда Мадикен растолковала сестре, что к чему, та заойкала: «Ой-ой-ой!»

Пораженные ужасом девочки притихли. Обе не знают, как тут быть и как помочь такому горю.

— Давай попросим за Мию прощения у Бога, — говорит Мадикен. — Может быть, это поможет. Сама она вряд ли догадается...

Мадикен и Лисабет складывают руки для молитвы — надо же как-то спасти Мию!

— Милый Боженька, прости на этот раз Мию! Прости ее, пожалуйста!

А Мадикен добавляет:

— Милый Боженька, она ведь, может быть, не нарочно так сказала. А впрочем, по-моему, она и не говорила «чертова кукла»... Вообще-то она, кажется, сказала «черная кукла».

Кончив молитву, девочки почувствовали облегчение. Мия была спасена от вечных мук, и теперь настала пора спать.

Лисабет крадучись перебегает к себе в кроватку. Мадикен осторожно ощупывает свой нос. Как будто бы он стал немного поменьше. Это тоже приятно.

— А ведь сегодня был очень интересный день, — говорит Мадикен. — И если хорошенько подумать, то все только благодаря твоей горошине.

— Вот видишь! Значит, я удачно сделала, что ее запихала, — говорит Лисабет. — Это если хорошенько подумать.

— Да, — соглашается Мадикен. — А если бы ты запихала и другую горошину во вторую ноздрю, то было бы, наверное, еще в два раза интереснее! Ха-ха-ха!

Но Лисабет уже совсем засыпает, и ей не хочется больше ничего интересного.

— Знаешь что, Мадикен, — говорит она сонным голосом. — В моей школе у детей только одна ноздря.

И тут засыпают обе — и Лисабет, и Мадикен.

Мадикен проверяет свои способности к ясновидению

Мама почему-то не очень любит, чтобы Мадикен ходила в гости к Нильссонам. А для Мадикен их кухня — самое любимое место. Однажды она слышала, как папа говорил маме:

— Не мешай ей туда ходить! Я хочу, чтобы мои дети знали, что люди бывают всякие. Может быть, это их убережет от высокомерного отношения.

Поскольку это было сказано не для ее ушей, Мадикен не смогла спросить у папы, почему ее надо уберегать от высокомерного отношения. Скорее всего, папа имел в виду, что не надо сердиться на дядю Нильссона, если он по субботам бывает пьяный. Мадикен на него не сердится, ведь и он тоже хорошо к ней относится и называет «милой Мадикен из Юнибаккена», и дядя Нильссон никогда не обижает ни тетю Нильссон, ни Аббе.

— Недаром ведь «Люгнет» значит «отдохновение», вот я и хочу, чтобы мне тут хорошо отдыхалось, — говорит дядя Нильссон, укладываясь поудобнее на кухонном диване. — Нельзя же все время трудиться да трудиться, когда-то можно и отдохнуть!

Тетя Нильссон почти всегда понимает, что дяде Нильссону когда-то нужно отдохнуть, и только изредка отказывается его понимать. Когда приезжает мусорщик, тетя Нильссон не хочет сама вытаскивать мусорную бочку к калитке. Тут уж приходится дяде Нильссону приложить руки. Он это очень не любит, и потом долго отлеживается на диване и не разговаривает с тетей Нильссон. Уставясь в потолок, дядя Нильссон горько жалуется, ни к кому не обращаясь:

— Казалось бы, я домовладелец и хозяин усадьбы, а должен сам таскать мусорный бак через весь двор!

Зато когда дядя Нильссон заводит граммофон и танцует с тетей Нильссон, а Аббе лепит крендельки и по всей усадьбе разносится аромат горячего печенья, тогда у них на кухне бывает очень приятно. Правда, Альва, которая иногда заходит в Люгнет, чтобы забрать Мадикен, говорит, что в жизни не видывала более захламленного и грязного дома. А, впрочем, много ли домов перевидала Альва? В чем-то она, наверно, права — ведь Нильссоны действительно не метут пол и не моют посуду без крайней необходимости. Но Мадикен считает, что в общем-то у них все выглядит

вполне прилично. Полки украшены расшитыми подзорами. Тетя Нильссон сама вышила на них крестиком красным по белому надписи: «Порядок во всем», «Всякой вещи — свое место», а на самом длинном: «Солнце в небе и доме, солнце в сердце и душе».

— Вот как-нибудь соберусь их постирать, — говорит тетя Нильссон. — Тогда виднее будет, что на них написано.

— Да ну! Ты же их все равно не читаешь, — говорит дядя Нильссон, подхватывает тетю Нильссон за талию, кружит ее в танце и поет:

О, Адольфина!
О, Адольфина!
Вместе забыться!
О, Адольфина!
О, Адольфина!
В вальсе кружиться!

— Полно тебе дурачиться, — говорит тетя Нильссон, а сама хохочет так, что у нее даже живот трясется.

Аббе, склонившийся над кухонным столом, тоже насвистывает «О, Адольфина!» и в такт песне вертит из теста колбаску.

Но лучше всего бывает, когда Аббе и Мадикен остаются на кухне одни. Аббе столько всего знает и так хорошо рассказывает между делом, а Мадикен сидит на диване и слушает. Все истории про привидения, убийц и про войну, которые так любит Лисабет, Мадикен узнала от Аббе.

С убийцами Аббе сталкивался всего три раза в жизни, зато привидений повидал очень много. А Мадикен еще ни разу ни одного не видела.

— Это потому, что я — духовидец, — говорит Аббе. — Для этого надо родиться ясновидящим, иначе ты не увидишь привидений.

Духовидец! Мадикен раньше даже слова такого не знала, но Аббе ей объяснил. У духовидцев глаза устроены иначе, потому они и видят разных духов и привидения, а обычные люди, сколько ни глядят, ничего не видят. Аббе и сам удивляется этой разнице:

— Я просто не понимаю, как это получается у обыкновенных людей — перед человеком стоит привидение, а он прет на него, как будто и не видит.

— Как ты думаешь, я — обыкновенный человек? — спрашивает Мадикен с надеждой в голосе. — Вдруг я тоже духовидец, только не бывала в таких местах, где водятся привидения!

Аббе снисходительно смеется:

— Ты-то духовидица? Да из тебя духовидица, как из поросенка!

Некоторое время Аббе молча лепит крендельки, затем говорит:

— А впрочем, изволь! Если хочешь, я как-нибудь схожу с тобой на кладбище темной ночью.

У Мадикен мороз пробежал по коже.

— На кладбище? А разве там водятся привидения?

— Именно что там, — говорит Аббе. — Конечно, я и в других местах встречал привидения, но уж на кладбище их столько, что не протолкнуться, там их прямо-таки навалом! Там шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на привидение.

Мадикен очень хочется узнать, способна ли она увидеть привидение, но отпраляться ради этого среди ночи на кладбище, где привидений столько, что не протолкнуться... Б-р-р, этого ей не хочется делать!

— А нет ли другого места, где их чуточку поменьше? — спрашивает Мадикен.

Аббе бросает на нее проницательный взгляд.

— Ты что, трусишь?

Мадикен отводит глаза и молчит. Если Аббе решит, что она трусиха, это будет ужасно. Но еще ужаснее пойти среди ночи на кладбище.

Аббе словно бы задумался.

— Само собой, мы можем попробовать и в другом месте, — говорит он и шлепает на противень готовый кренделек. — Вот хотя бы у нас в старой пивоварне: похоже, что там в северном углу что-то нечисто.

— Давай попробуем! — просит удивленная Мадикен.

Она много раз заходила в старую пивоварню Нильссонов и никогда не замечала там ни малейших следов привидений или призраков... Неужели она и впрямь такой же духовидец, как какой-нибудь поросенок!

— По правде сказать, я не думаю, что от этого будет толк, — говорит Аббе. — Но на всякий случай отчего бы не попробовать! Пойти, что ли, сегодня ночью?

Мадикен опять отводит глаза:

— А что, обязательно только ночью?

— А как же ты думала? Может быть, ты воображаешь, что старикан там среди бела дня шастает, чтобы моей мамаше во время стирки компанию составить? Нет уж, дудки! Ночью, в двенадцать часов — вот самое подходящее время для привидений. Тогда-то он и явится, и ни минутой раньше!

— А почему он живет в вашей пивоварне? — спрашивает Мадикен с

интересом.

Аббе сперва молчит, потом отвечает:

— Так и быть, я тебе все расскажу. Только учти, что вообще-то это тайна, и ты никому не должна про нее рассказывать, чтобы ни одна живая душа не узнала.

Мадикен уже вся дрожит от нетерпения. От Мадикен никто никогда не узнает чужого секрета! Аббе и сам это знает, и потому он только ей одной решился рассказать про старика, который по ночам является в пивоварне. О таких чудесах Мадикен и не слыхивала. Оказывается, что это призрак прапрадедушки Аббе. Прапрадедушка жил сто лет назад. Он был графом и владел несметными богатствами... Аббе и сам, можно сказать, граф, он только держит это в секрете.

Мадикен глядит на Аббе во все глаза и никак не может опомниться от изумления. Такого ей еще никогда не приходилось слышать!

— Ты догадываешься, отчего мой прапрадедушка не может спать спокойно в своей могиле, как другие умершие графы? Лежал бы себе, кажется, спокойно в гробу, так нет же — он вместо этого колобродит по ночам в пивоварне. А знаешь отчего?

Нет, Мадикен не знает, но Аббе опять ей все объяснил. Этот граф-богачей вздумал однажды закопать в пивоварне, где теперь прачечная, бочонок с деньгами.

— Просто так, ради интереса, понимаешь ли, — говорит Аббе. — Во все банки он уже положил такие груды денег, что там просто больше некуда стало класть. Тогда-то он и вспомнил про пивоварню. А как зарыл свое сокровище на черный день, так сразу же и окочурился, а богатство в земле так и осталось! Вот потому он теперь и бродит привидением.

Мадикен перевела дух:

— Ты думаешь, что деньги так и остались лежать?

— Ясно, лежат, — говорит Аббе.

Мадикен глядит на него во все глаза:

— А почему ты их не откопаешь?

— Тебе хорошо говорить! Сама бы попробовала! — говорит Аббе. — А ты знаешь хотя бы, где копать?

Нет, Мадикен не знает.

— Вот видишь! — говорит Аббе.

Мадикен смотрит на него так, словно в первый раз увидела. Подумать только! Вот он стоит у плиты, печет кренделечки, а на самом деле он, оказывается, граф, и прапрадедушка у него тоже был граф... Да мало того, что граф, а еще и привидение.

— А как зовут привидение? То есть, я хотела сказать, твоего прапрадедушку?

Аббе застывает с недоконченным крендельком в руках. А когда наконец говорит, то звучит это так, будто он читает по книге.

— И звали его граф Аббе Нильссон Крок! — изрекает Аббе.

Получается так величественно и так страшно, что у Мадикен пробежали мурашки по спине.

— Твое счастье, что мы не гордые, — говорит Аббе Нильссон. — «Ваша светлость, высокородный граф Аббе Нильссон Крок» — вот как ты должна бы меня называть. Ну, да чего там! Можешь по-прежнему называть меня Аббе.

— Хорошо! Иначе бы я просто не могла с тобой разговаривать, — говорит Мадикен. — Если хочешь, иногда я могу называть тебя «ваша светлость высокородный граф Аббе».

Но Аббе не высказывает такого желания. Он хочет одного — чтобы Мадикен пошла с ним ночью в двенадцать часов в пивоварню. Ведь если Мадикен окажется духовидицей, то вдвоем они, может быть, выследят графа Крока и как-нибудь выведают у него, где лежат деньги. Аббе уже много раз пробовал его подловить, но прапрадедушка с леденящим душу стоном исчезал сквозь стену.

От этих рассказов Мадикен приходит в сомнение, быть духовидицей не кажется ей уже так заманчиво. Поглядеть на привидение всякому интересно, но если ради этого нужно в двенадцать ночи гоняться по пивоварне за прапрадедушкой, то это меняет дело!

— Мне мама не разрешит! — говорит Мадикен. — Она нипочем не выпустит меня ночью из дома.

Аббе с жалостью смотрит на Мадикен, надо же сморозить такую глупость!

— Эх ты — голова два уха! Неужели ты собираешься спрашивать разрешения у мамочки? В таком случае, лучше и не пытаться! Ты никогда не узнаешь, можешь ли ты видеть привидения, уж ты мне поверь!

Мадикен верит. Она знает, что Аббе говорит правду. Ведь мама действительно хочет, чтобы по ночам Мадикен спала, и ей совершенно не интересно, может или не может Мадикен видеть привидения.

Но тут Аббе напоминает ей, что она ведь не раз вылезала из окна на крышу веранды. Правда, обычно это бывало днем; но если можно днем, то почему нельзя ночью?.. Конечно, если она не трусиха!

— Ну так ты пойдешь или нет? — спрашивает Аббе строго.

Мадикен не знает, что и сказать.

— Мне не дожидаться двенадцати, я усну. Так что ничего не получится. Но от Аббе не так-то просто отделаться. Подумав немного, он говорит:
— Слушай, я, пожалуй, сумею обмануть прапрадедушку и сделать так, чтобы он сегодня появился пораньше. Знаешь, что я придумал?

Нет, Мадикен не знает. Разве она может так придумать, как Аббе?

— Я поставлю в пивоварне будильник и передвину стрелки на три часа вперед. Ну как? Ловко придумано? Вот прапрадедушка и решит, что уже двенадцать часов, а на самом деле будет еще только девять. Ха-ха!

— Ха-ха! — вторит Мадикен, но смех у нее невеселый.

— Ну так что — пойдешь? — еще строже спрашивает Аббе.

— Да-а, — говорит Мадикен. — Наверно уж пойду.

— Шик-блеск! — говорит Аббе. — Ты молодчина!

В семь часов вечера Мадикен и Лисабет укладываются спать. Но сначала приходит мама немного посидеть с девочками. Она им рассказывает сказки и поет песенки. Последнюю песню поют все вместе — мама, Мадикен и Лисабет. Иногда приходит папа, тогда они поют на два голоса. Они поют: «Вечер прекрасный, мирный покой». Мадикен почему-то испытывает настоящее счастье от этой мелодии, а может быть, еще больше от слов. В чем тут дело — она и сама толком не разберется. Лисабет тоже, наверно, радуется, когда поет эти слова. Во всяком случае, она уже не говорит, как раньше, когда еще была маленькой и мама с ней разучивала эту песню: «Ой, мамочка, как скучно!»

Но тогда ей было только три годика. Теперь-то она знает наизусть всю песню и распевает не хуже других: «Вечер прекрасный, милый покой». Она поет: «милый покой», а не «мирный покой». «Ой, как же это верно! — думает Мадикен. — „Милый“ как раз то слово, которое лучше всего подходит для вечера, когда ты лежишь в мягкой, уютной постельке и мама заботливо подоткнула тебе одеяльце, а за окном так хорошо шелестят березы».

Однако про нынешний вечер никак не скажешь «милый покой». Сегодня у Мадикен совсем другое чувство. При мысли о том, что она собирается сделать, у Мадикен начинают бегать по коже мурашки, но в этом ощущении нет ничего неприятного. Что поделаешь, раз Мадикен уродилась такая беспокойная! Ее так и подмывает искать захватывающие приключения. Она уже решила пойти в пивоварню, чтобы узнать, может ли она видеть привидения, и сейчас у нее приблизительно такое чувство, какое бывает, когда предстоит поход к зубному врачу. Хуже всего — это ждать, пока не скажут: «Ну, все! Завтра пойдем!» Остальное уже не страшно. А кроме того, если Аббе не боится увидеть привидение, то чем,

спрашивается, Мадикен хуже? Во всяком случае, так рассуждала Мадикен, пока лежала в своей постельке.

Мама и папа уже давно пожелали девочкам спокойной ночи и ушли. Теперь Мадикен дожидается, когда уснет Лисабет. То, что она задумала, нужно держать в секрете даже от нее.

— Ты не спишь? — спрашивает Мадикен.

— Вовсе даже не сплю, — отзывается Лисабет. — А ты?

— Ну и дурочка ты, Лисабет! — говорит Мадикен.

Она выжидает еще немного и через некоторое время опять спрашивает:

— Лисабет, ты спишь?

— Ни чуточки! — говорит Лисабет. — А ты?

«Ну что за девочка!» — думает Мадикен и начинает сердиться.

— Ты что, всю ночь собираешься не спать?

— Каттегоритчески! — отвечает Лисабет.

Но через минуту она уже перевалилась на живот и уснула.

Никогда еще Мадикен не доводилось одеваться в кромешной тьме.

Она боится зажигать керосиновую лампу, чтобы не разбудить Лисабет и чтобы мама нечаянно не заметила полоску света под дверью детской.

Хорошо, что Мадикен позаботилась с вечера аккуратно сложить одежду на стуле, который стоит возле ее кровати. С бельем она быстро управилась, надела штанишки, лифчик. Потом Мадикен пришлось поволноваться — второй чулок, как нарочно, куда-то запропастился. Мадикен лихорадочно ищет пропажу — правда, ведь неудобно получится, если она явится в одном чулке перед прапрадедушкой Аббе Нильссона, это перед настоящим-то графом! В конце концов чулок отыскивается под стулом рядом с ботинками. Не шуточное дело — зашнуровать ботинки в потемках, но Мадикен кое-как справилась и со шнурками. Теперь остается надеть платье и длинную шерстяную кофту, в которой она играет в саду.

Мадикен стискивает зубы — предстоит самое трудное. Надо открыть дверь, на цыпочках пройти через сени к оконцу, которое выходит на крышу веранды, и ни разу не зашуметь, чтобы не заметили мама и папа. Они еще сидят внизу в гостиной. Сквозь закрытую дверь детской доносятся их приглушенные голоса.

Мадикен благополучно добралась до окошка, никого не потревожив. Она дернула раму, и та открылась с ужасающим грохотом. В гостиной смолк разговор, и Мадикен замерла, трепеща от страха, — что-то сейчас будет?..

Однако все спокойно. Просто мама села за пианино и стала играть. Из-

под ее пальцев полилась тихая, ласковая мелодия. Выкарабкиваясь на крышу, Мадикен слышит позади негромкие звуки музыки. На миг у нее защемило в груди. Все, что давало покой и чувство надежности, оставлено позади, а впереди — тьма и ночные страхи.

На дворе стоит ноябрь, холодный и темный вечер. Мадикен не ожидала, что будет так жутко. В деревьях гудит ветер. Они давно облетели, и вместо шелеста листвы слышен сухой стук оголенных ветвей, как будто деревьям тоже страшно.

Мадикен пришла под окно, за которым живет Аббе. Из темноты хорошо видна освещенная кухня, там собрались Аббе, его мама и папа. Мадикен смотрит, и ей тоже хочется к свету и теплу, но Аббе велел ей прийти под окно и прокричать по-совиному. Мадикен послушно выполняет наказ и принимается ухать, как сова. Совиный крик получается таким жутким, что Мадикен сама себя испугалась, а тетя Нильссон даже подскочила на стуле. Аббе тоже оживился. Он срывается с места и надевает кепку. Вот он уже у дверей. Мадикен видит его в тусклом свете керосиновой лампы. Для графа он одет довольно-таки неказисто — штаны с заплатками на коленях, и куртка висит, как на вешалке. И весь он какой-то щупловатенький. На взгляд Мадикен, графу полагается быть потолще и не таким патлатым. Но раз она не знакома с другими графами, то не может судить наверняка. Волосы у Аббе как растрепанная метелка, неприбранные вихры торчат во все стороны из-под кепки. Однако он самодовольно ухмыляется и, как видно, думает про себя, что он вылитый граф.

Разглядев Мадикен в темноте под яблонями, он деловито устремляется ей навстречу.

— Порядок! — говорит он. — Сейчас узнаем, надули мы дедушку или нет и поверил ли он, что сейчас уже двенадцать часов.

— Порядок! — говорит Мадикен, а сама дрожит мелкой дрожью. — А ты завел будильник?

— Спрашиваешь! Неужели же нет! Я завел звонок, чтобы старик не проспал. А то он ведь не привык просыпаться в это время.

Пивоварня Нильссонов находится в дальнем конце сада, почти у самой реки. Туда ведет утоптанная тропинка. Аббе захватил с собой фонарик, чтобы Мадикен не налетела в темноте на дерево и не набила себе шишек о замшелые стволы старых яблонь.

Вот какой Аббе внимательный и предусмотрительный!

— Можно, я возьму тебя за руку? — говорит Мадикен. — Так мне будет лучше видно.

— Давай, — говорит Аббе. — Чудачка ты, Мадикен!

Он берет протянутую ладошку, ладошка холодная и дрожит.

— Но только, когда появится прапрадедушка, я тебя отпущу, — говорит Аббе. — А то старику не понравится, что я якшаюсь с людишками, в которых течет не графская кровь.

Впереди зачернела мрачная стена пивоварни — сразу видно, что там водятся привидения. И тишина кругом такая, что поневоле станет страшно. Неужели это — та самая приветливая сараюшка, где бывает так весело и шумно, когда тетушка Нильссон затевает большую стирку. В чане булькает вода, гулко шлепаются в него мокрые простыни, гремит в руках тетушки Нильссон стиральный валёк, туман стоит такой, что среди ушатов и корыт недолго и заблудиться — Мадикен и Лисабет еле различают друг друга в клубах пара. В пивоварне так здорово, что просто одно удовольствие! А лучше всего там на чердаке — кричи, носись, скачи сколько душе угодно, можно играть в жмурки и прятки. На чердаке под стрехой живут совы. Они не любят беготни и крика. Когда Мадикен и Лисабет разыграются, птицы вылетают в окно и не возвращаются, пока не уйдут девочки. Может быть, и привидение поступает, как совы. Может быть, граф тоже улетал в окно, когда Мадикен с Лисабет поднимали возню на чердаке? Сейчас-то тихо, и он, наверно, засел в темноте вместе с совами... сидит там и поджидает.

Мадикен крепко вцепилась в руку Аббе. Ей страшно, и он это почувствовал. Аббе гасит фонарик, берется за огромный ключ, чтобы отомкнуть тугой замок, и оборачивается к Мадикен.

— Ну, решай, как ты хочешь, — говорит Аббе шепотом. — Я подумал, что ты хотела посмотреть на привидение, но если нет, то можешь и отказаться.

В этот миг за дверью заверещал будильник, так громко, словно хотел перебудить все привидения, которые прячутся в ночной тьме, предупреждая их, что к ним пришла Мадикен. Страшно, просто жуть!

— Если хочешь, давай улепетывай! — говорит Аббе. — Пока старичок очухается ото сна, ты успеешь унести ноги.

Мадикен, конечно же, боится, она трясется как осиновый лист, но ведь иначе она никогда не узнает, может ли она видеть привидения! Нельзя упускать такой случай!

— Я хочу на него посмотреть, — лепечет Мадикен. — Я только взгляну одним глазочком.

— Ну, раз так, давай! — говорит Аббе. — Только чур, на меня не обижаться, если ты бухнешься в обморок!

Аббе поворачивает ключ и осторожно отворяет дверь. Она открывается со страшным скрипом. Если граф Крок не расслышал будильника, то

теперь-то уж он наверняка проснется.

Мадикен напряженно вглядывается в черную темь, схватившись рукой за куртку своего провожатого. Она чувствует, что без Аббе она пропала, и жалобно просит его:

— Зажги фонарик, чтобы было виднее.

Но Аббе не зажигает света.

— Сразу видно, что ты говоришь с непривычки, привидения больше всего злятся, если на них посветить фонариком, бывает, они даже рычат от злости! Слыхала когда-нибудь, как рычит привидение?

Нет, такого Мадикен, к счастью, еще не доводилось слышать.

— Тебе повезло! — говорит Аббе. — Один человек услышал, так он до сих пор трясется.

Тут Мадикен поняла, какая это была безумная затея — посветить фонариком на графа Крока: не хватало еще, чтобы он зарычал! Уж Аббе знает, что можно и чего нельзя. И Мадикен беспрекословно вступает с ним в непроглядную тьму. Аббе закрывает дверь изнутри. Кругом темно, как в дымоходе. Где-то в этой тьме затаился граф Крок, и хотя он пока не рычит, рядом с ним все равно очень страшно. Мадикен пугливо жмет к Аббе. Остановившись у порога, они молча ждут, что будет дальше.

Вдруг Мадикен почувствовала, как Аббе вздрогнул, и слышала его шепот:

— Вот он! Появился! Вон там, где стоит плита.

Мадикен взвизгивает и вцепляется в Аббе изо всей мочи. Она крепко прижалась к нему и зажмурилась.

— Видишь его? — спрашивает Аббе шепотом.

Мадикен через силу заставляет себя открыть глаза и посмотреть в ту сторону, где стоит плита с вмурованным в нее чаном. Кругом непроглядная тьма, и ничего не видно. Должно быть, Аббе прав, и ясновидения у нее не больше, чем у поросенка, но сейчас она этому даже рада.

— Неужели ты его не видишь? — шепчет Аббе. — Вон же он — страшущий, весь в белом и еще светится.

— Не-ет, — правдиво отвечает Мадикен.

— Странно, — говорит Аббе. — Я-то его ясно вижу.

И Аббе даже вступает с привидением в разговор:

— Высокородный граф! Позвольте спросить вас, ваша светлость, где вы спрятали кубышку?! Ответьте мне, если будет угодно вашей милости.

Молчание, и никакого ответа. Как видно, его светлости отвечать неуютно.

— Вот он всегда так! — шепчет Аббе Мадикен. — Упрям как бык.

Затем он снова говорит громко:

— Я тоже граф, и мне бы очень пригодилась эта кубышка... Уж ты удружи мне, дедушка... Мы же с тобой родня.

И опять шепотом Мадикен:

— Вид у него довольно-таки страхолюдный! Неужели ты его совсем не видишь?

— Нет, — твердо отвечает Мадикен. — У меня, наверно, нет ясновидения.

— А ты не зарекайся, — советует Аббе. — Бывает, что сперва требуется время для раскачки, а потом вдруг — раз! — и, куда ни повернись, всюду покажутся привидения.

Но Мадикен уже уверилась в том, что она не духовидица. Она испытала себя, а теперь бы ей только поскорее убраться отсюда подальше.

И опять Аббе вздрагивает и шепотом объясняет:

— Гляди, он мне машет рукой... Он хочет, чтобы я приблизился. — Затем, словно откликаясь на зов, кричит: — Сейчас, дедушка! Сейчас я подойду!

Но Мадикен вцепилась в него изо всех силенок и не отпускает.

— Нет, не ходи! — испуганно просит она.

— Надо! — шепчет в ответ Аббе. — Он хочет показать мне, где зарыт клад. А ты стой на месте и не двигайся.

Неожиданно Мадикен очутилась одна в темноте. Она слышит, как Аббе удаляется от нее в потемках, и тут уж окончательно теряет голову. Пойти следом — страшно, стоять — тоже страшно.

— Аббе! — зовет Мадикен. — Аббе!

Но Аббе не отвечает, он исчез во мраке. Секунды идут. Аббе не возвращается. Для Мадикен эти секунды тянутся очень долго.

— Аббе! — зовет она снова. — Аббе! Я хочу домой!

И в этот миг она увидела! О, страх и ужас! Она увидела привидение... Совершенно ясно она видит перед собой белое страшилище, озаренное призрачным светом. Оно стоит в глубине сарая, возле вделанного чана. Нет сомнений, это он — граф Крок!

И тут Мадикен как закричит не своим голосом! С криком она тычется в потемках, чтобы найти дверь. Свет, исходивший от графа Крока, давно погас. Его больше не видно, но Мадикен все кричит и кричит. Из темноты раздается голос Аббе:

— Тише, Мадикен! Ну что ты орешь, как будто тебя режут! Ты же напугаешь графа Крока. Перестань, слышишь!

Но Мадикен так зашлась, что больше ничего не слышит. Ей лишь бы

вон отсюда и поскорее!

У Альвы в этот день был выходной. Сейчас она только что вернулась и не успела вставить ключ в кухонную дверь, как на нее, откуда ни возьмись, налетела Мадикен. Не говоря ни слова, она обеими руками схватилась за Альву и уткнулась ей головой в живот. Она так сильно ее боднула, что чуть не сбила с ног.

— Да что же это ты тут делаешь в такое время? — говорит Альва.

Вместо ответа Альва слышит стон, она чувствует, что Мадикен дрожит, как в ознобе. Не пускаясь в расспросы, Альва скорее ведет ее на кухню. Там она зажигает лампу. Это не так-то просто, потому что Мадикен не отпускает ее ни на секунду и цепляется, как утопающая.

— Да что же это с тобой приключилось, что за напасть? — спрашивает Альва.

Она усаживается в обнимку с Мадикен на диван, берет ее на колени и начинает тихонько покачивать.

— Альва, я видела привидение, — говорит шепотом Мадикен. — Ой, Альва! Я — духовидица.

Потребовалось некоторое время, прежде чем Альва добилась от Мадикен кое-каких подробностей. У Мадикен заплетается язык, она с трудом выговаривает слова. Вдобавок Аббе сказал ей, чтобы она никому не проговорила. Но ей все-таки надо хоть с кем-то поделиться. И в конце концов перед Альвой раскрывается вся история графа Крока, который живет в пивоварне. Альва приходит в неопишное возмущение:

— Вот пойду сейчас и выдеру за вихры этого Аббе! Я ему покажу — привидение!

Но Мадикен его защищает:

— Он же не виноват, что он духовидец.

— Не виноват он! — негодует Альва. — Вот погоди, уж я с ним разберусь! Он у меня и думать забудет о духах, слово тебе даю! Высокородный граф Аббе! Скажите на милость, что выдумал!

Мама и папа, к счастью, уже спят, и Альва дает Мадикен обещание, что ничего им не скажет.

— Да уж лучше им не знать! Если мама узнает, тебя к ним больше и на порог не пустят. Но с Аббе я все-таки потолкую по-свойски — век будет помнить!

На другой день, возвращаясь из школы, Мадикен еще издали увидела Аббе. Он околачивается у забора, как будто поджидает кого-то. Вихры у него на месте, Альва их не выдрала. Однако она ему высказала все, что о нем думала, и сейчас у него довольно пристыженный вид.

Увидев Мадикен, он ей свистнул, и она послушно подбежала по первому зову.

— Я же не думал, что у тебя такое сильное ясновидение, — говорит Аббе. — Если бы знал, никогда не повел бы тебя в пивоварню.

— Я никогда больше туда не пойду.

— Ну почему же! — говорит Аббе. — Прапрадедушку-то больше бояться нечего. Он теперь больше никогда не придет.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Мадикен с удивлением.

— Кончились его хождения, не сомневайся. Потому что я откопал клад.

— Да ну! — восклицает Мадикен.

— Вот тебе и ну! Но только это — секрет! Так что смотри, не вздумай об этом докладывать Альве!

Смущенно пообещав, что не будет, Мадикен во все глаза уставилась на Аббе:

— Теперь ты богатый? Да, Аббе?

Аббе рассеянно сплевывает себе под ноги:

— Понимаешь, на мой взгляд, прапрадедушка зря хлопотал. Стоило ли шум поднимать из-за каких-то двух с полтиной!

Он сует руку в карман брюк и вынимает три монетки — две кроны и пятьдесят эре.

— И больше ничего не было? — удивляется Мадикен.

— Больше ничего. Но ты учти, что прапрадедушка жил сто лет назад, в его время два с полтиной были приличные деньги. Так что, пожалуй, и не удивительно, что он вставал из могилы и волновался за свое сокровище.

Одну крону Аббе отдает Мадикен:

— Вот. На тебе. За все труды и мучения — или как там еще говорят!

Мадикен просияла во всю рожицу: вот какой Аббе добрый и хороший!

— Спасибо тебе, Аббе, миленький!

— Не за что, — отвечает Аббе. — Денежки не простые, как-никак их привидение сторожило! Но покупать на них можно с таким же успехом, как на обыкновенные.

С этими словами высокородный граф Аббе удаляется к себе на кухню, а Мадикен долго еще стоит, разглядывая свои волшебные деньги. Подумать только! Столько лет пролежали зарытыми в пивоварне, а блестят, как настоящие. Наверняка на них можно купить бумажных куколок. «С народом за отечество» — написано на монетке, а посередине — портрет Густава V^[6]. Все правильно — деньги как деньги!

Вот ветер, вздымая метель, налетел...

Долгая зимняя темень опустилась на Юнибаккен. Скоро придет Рождество. В своих вечерних беседах Мадикен и Лисабет вспоминают о нем каждый день.

— Как здорово, что есть Рождество! — говорит Мадикен. — Хорошо, что его придумали, потому что это самое лучшее, что есть на свете.

— Каттегоритчески! — подтверждает Лисабет.

Девочки трясут свои копилки — похоже, что в обеих свинках накопилось много денег. То, что гремит внутри, пойдет на рождественские подарки. Вот почему этот звук так приятно слушать.

В детской висит на стене календарь. Каждое утро девочки отрывают один листок и видят, что Рождество приблизилось еще на один день.

В школе тоже чувствуется приближение Рождества. Учительница читает детям святочные рассказы и разучивает с ними рождественские песни. Дома Мадикен поет их для Лисабет.

Вот ветер, вздымая метель, налетел
На горы и доли родные... —

поет Мадикен.

Неожиданно быстро настали рождественские каникулы. «Ну кому это, спрашивается, нужны рождественские каникулы!» — так говорила Мадикен в первый школьный день. Это было очень давно. С тех пор она проучилась целое полугодие и теперь считает, что рождественские каникулы придуманы очень удачно, почти так же удачно, как самое Рождество.

Альва и Линус Ида уже принялись за предпраздничную уборку. С окон снимали все занавески, а на полу в самых неподходящих местах можно наткнуться на ведро. Альва расхаживает по комнатам с длинной шваброй и обметает стены и потолок. Мадикен и Лисабет вертятся под ногами среди расставленных ведер, всем мешают, а главное — пристают и дразнят Альву.

Вот Альвин, вздымая метлу, налетел
На стены и полки родные, —

распевают перед ней девочки. Лисабет поет, а самой так смешно, что от хохота, того и гляди, плюхнется в ведро с водой.

— Ой, какие же ты хорошие песни придумываешь, Мадикен!

Альва их гонит прочь шваброй и говорит:

— А вот как по одному месту швабра сейчас налетит. И покажет вам горы и доли родные!

Но вообще-то она не сердится — Альва никогда не сердится на Мадикен и Лисабет.

Мама делает колбасу, и солит окорок, и варит напиток из можжевельника, и льет свечи. Для Мадикен и Лисабет тоже находятся всякие дела, и они помогают, где можно. Девочки пекут пряники, варят домашние леденцы, лепят хорошеньких свинок из марципана и вырезают из бумаги фестоны, чтобы украсить по-праздничному жениховский жезл^[7].

Каждый день происходят какие-то необыкновенные вещи, и все больше и больше чувствуется Рождество. Юнибаккен пропах дивными ароматами пряников, домашних конфет и хвороста. Мадикен втягивает носом эти запахи и зажмуривается:

— Рождество... Уже запахло Рождеством!

По вечерам девочки составляют длинный список своих пожеланий для Юльтомте^[8].

Мадикен читает вслух, что она написала: «„Робинзона Крузо“, много бумажных куколок, оловянных солдатиков, лыжи и алую розочку, чтобы носить в волосах».

— С ума сойти, Мадикен, — говорит Лисабет. — Ты что, взаправду хочешь розочку?

— Да ну, что ты! — говорит Мадикен. — Это я написала так, для красоты. Ведь правда же, это красиво?

Девочки старательно обдумывают, какие подарки сделать папе и маме. За варкой домашних конфет Мадикен спрашивает у мамы:

— Мама, а чего тебе хочется больше всего на свете?

— Больше всего мне хочется, чтобы у меня были две хорошие, добрые девочки.

У Мадикен предательски заблестели глаза. Упавшим голосом она спрашивает:

— А что тогда будет с Лисабет и со мной?

Но мама погладила ее по головке и объяснила, что она вовсе не мечтает о каких-то других девочках, а только хочет, чтобы Мадикен и Лисабет всегда оставались такими же добрыми и хорошими, как сейчас.

Впрочем, Лисабет решает, что было бы совсем не плохо обзавестись в доме еще двумя девочками.

— Мы бы тогда с ними играли, — говорит Лисабет. — Только мы их не пустим жить в детскую. В детской будем жить мы с Мадикен, а им — шиш с маслом!

На дворе стоит мороз. С утра пораньше Альва приходит в детскую и разводит в печке огонь. Она так гремит дверцами и заслонками, что Мадикен и Лисабет просыпаются от шума. Со своих кроваток они смотрят, как в дырочках печной дверцы играет огонь, и слушают, как трещат дрова. Под эти звуки так приятно понежиться в постельке.

Однажды они проснулись совсем рано. Они думали, что это обыкновенный день. Оказывается — нет. На комод горят в подсвечнике все четыре свечи. Кончается адвент^[9], сегодня последнее воскресенье перед Рождеством. Альва уже растопила печь и теперь стала около Мадикен и смотрит очень таинственно.

— Нынче ночью случилось что-то особенное, — говорит она. — Угадайте-ка, что?

— Приходило привидение, — говорит Мадикен.

— Глупышка ты! — говорит Альва. — Привидений не бывает! Я же тебе объясняла, что это Аббе безобразничал — завернулся в простыню и зажег фонарик.

Альва не в первый раз старается втолковать Мадикен, как тогда было дело, но Мадикен ей не верит. Не верит она, что Аббе способен на такое коварство. Кто угодно, но только не Аббе!

— А ну-ка, подумайте хорошенько! — говорит Альва. — Это что-то очень приятное.

— Привидение тоже — приятная вещь, — говорит Лисабет.

— Вот уж нет! — говорит Альва. — Ну как? Отгадали?

— Может быть, снег выпал? — спрашивает Мадикен с надеждой.

— Нет, — говорит Альва. — Зато река замерзла.

Тут Мадикен и Лисабет с радостными воплями повскакали с кроваток. Комната еще не нагрелась, но им уже все равно, они торопятся. Девочки одеваются, натягивают шерстяные гамашы, теплые кофты, шапки, хватают варежки и бегут на улицу.

— Смотрите, чтобы ненадолго, — кричит им Альва. — И сразу возвращайтесь завтракать.

— Да, да, — отвечают Мадикен и Лисабет.

Все березы вокруг Юнибаккена покрылись белым инеем, а над крышей сарая низко стоит красное солнце.

— Вот такая погода мне нравится, — говорит Мадикен.

По правде сказать, погода ей нравится какая ни на есть. Чаше всего погода бывает обыкновенная, и Мадикен ее не замечает. А сегодня она особенная, такая, что нельзя не заметить. «Она красивая», — думает Мадикен. Бывают красивые слова и красивая музыка, а тут — красивая погода. От такой погоды почему-то делаешься добрее.

Мадикен и Лисабет бегом спешат к реке. Под ногами хрустит заледеневшая на морозе трава.

— Может быть, я дам тебе на Рождество два подарка, — говорит Мадикен.

— С ума сойти, Мадикен! — говорит Лисабет.

Это, конечно, очень здорово — получить сразу два подарка, но сейчас ее мысли заняты не тем, главное — лед.

Какое дивное мгновение, когда ты ступаешь на гладкий темноватый лед и пробуешь, хорошо ли по нему скользить! Ой, какая скольжина! Мадикен с одного толчка прокатилась почти до другого берега.

Конечно, крепкий лед не мог появиться за одну ночь. Еще неделю назад начались морозы, но Мадикен и Лисабет не замечали, что с каждым днем река становилась все тише. Только Альва заметила. А сегодня утром она поднялась раньше всех, сходила на реку, пешней проверила лед и увидела, что по нему можно ходить без опаски.

— Раз лед выдержал Альву, то нас и подавно выдержит, — говорит Мадикен.

— Каттегоритчески! — подтверждает Лисабет.

И вот Мадикен и Лисабет с наслаждением раскатывают по льду, щеки у них разгорелись, дыхание вырывается изо рта белым паром. Девочкам странно, как могут взрослые лежать в постели и спать, когда есть такое замечательное занятие. Но в Люгнете, кажется, еще не вставали. И Аббе еще ничего не знает! Не знает, что вся река превратилась в блестящую гладкую дорогу, по которой можно кататься. Она вьется между берегов, за каждым поворотом начинается новый каток, который так и манит, чтобы по нему прокатились. Если бежать достаточно долго, то попадешь на Аппельшё^[10], а это уже деревенские места, и там стоит Аппелькюллен^[11].

— А не провести ли нам Карлссонов в Аппелькюллене? — предлагает Мадикен.

— А мама нам разрешит? — сомневается Лисабет.

Но ведь мама еще спит, потому что сегодня воскресенье. Нельзя ее будить по пустякам.

— Конечно, разрешит, — говорит Мадикен. — Вот если бы мы пошли

туда по дороге, она бы нас не пустила, потому что по дороге туда далеко идти, а по льду быстро. Раз-два — и мы там.

— Тогда давай! — говорит Лисабет.

Ни та ни другая и не вспомнили, что Альва говорила про завтрак, и девочки весело покатались к Аппелькюллелу.

— Как я люблю лед! — говорит Мадикен.

— Все любят лед, — откликается Лисабет.

А Мадикен мало сказать что любит лед... Она так рада, что у нее даже сердце замирает от счастья. Эта ледяная дорога — просто чудо! Река зимой — совсем не то, что летом. Летом они с папой иногда катались по вечерам на лодке и даже плавали на Аппелькюллелен покупать яйца. Летом река тихая и уютная, она течет между зеленых берегов. Ласковые ветви в зеленой листве свисают над водой. Проплывая под ними в лодке, можно протянуть руку и сорвать листик. Да, летом тут тихо и хорошо. А зимой река делается точно зачарованная. Блестящий темный лед и застывшие в белом инее деревья, озаренные странным светом красного солнца, — все так красиво! И от этой студеной, замороженной, фантастической красоты на душе у Мадикен становится радостно и привольно. Быстрее и быстрее скользит она по льду, а на душе у нее все привольнее и привольнее, она словно летит, как птица в небе. Лисабет давно отстала.

— Подожди меня! — кричит она сестре.

Лисабет уже устала бежать по льду, она теперь хочет идти шагом. И чтобы не очень торопиться.

— А далеко нам еще до хутора? — спрашивает Лисабет с тревогой.

— Совсем уж близко, — уверяет ее Мадикен. — Скоро будем там.

— Возьми меня за ручку, — просит Лисабет и сует сестре свою ручонку.

Рука об руку они поплелись дальше. За каждым поворотом они ожидают увидеть озеро и хутор, но опять открывается все та же бесконечная река. Уставшей Лисабет это уже надоело.

— Знаешь что, Мадикен, — говорит она. — А я проголодалась.

И тут обе вспомнили, что им говорила Альва. Она сказала: «Сразу возвращайтесь завтракать!» Вот тебе и раз! Девочки остановились и озадаченно посмотрели друг на друга — дом остался далеко позади.

Мадикен тоже проголодалась, но ей неохота возвращаться. Теперь-то уж наверняка осталось совсем немного — еще чуточек, и они будут в Аппелькюллелене, а там можно будет и отдохнуть хорошенько.

— Мы купим себе по яичку у тети Карлссон, — говорит Мадикен. — А когда купим, попросим разрешения сварить и прямо там их скушаем.

— А у нас есть деньги? — спрашивает Лисабет.

— Мда... Деньги... Денег-то как раз и нету, — задумчиво говорит Мадикен.

И вдруг она вспомнила: на ней же надето клетчатое платье, а в кармашке должна быть монетка в два эре.

— Я помню, что у меня тут было два эре, я вчера их сама сюда положила, — говорит Мадикен и начинает нетерпеливо рыться в кармане.

— А нам дадут два яйца за два эре? — спрашивает Лисабет.

Мадикен качает головой:

— Скорее всего, нет. Но можно попробовать. Скажем, что нам нужно яиц на два эре, а там посмотрим, что дадут.

Да вот беда, монетки в кармане не нашлось! Пропала куда-то.

— И что же мы теперь будем делать? — спрашивает Лисабет.

Мадикен пожимает плечами:

— Подумаешь, что такое лишние два эре!

Лисабет тоже так считает.

— Все равно пойдем к ним, — говорит Мадикен. — Может быть, тетя Карлссон спросит: «А нельзя ли вас пригласить позавтракать?» А мы скажем, что да, с удовольствием.

При мысли о том, что их, может быть, за ближайшим поворотом ожидает завтрак, девочки приободрились и опять побежали, потом опять долго шли шагом, а Аппелькюллен все не показывался.

— А вдруг зимой вся усадьба Карлссонов переезжает в другое место? — высказывает свое предположение Лисабет.

— Не будь такой ребячливой, — говорит Мадикен.

Но и ей тоже все это начинает казаться странным.

— Чудно, право, — говорит Мадикен. — Если вон за тем поворотом мы не увидим усадьбы, то, значит, нас заколдовали и, значит, плохи наши дела.

Эта мысль ее гложет... Действительно, все похоже на колдовство. Вон и деревья стоят такие красивые и такие мертвые в уборе из белого инея... Такие деревья могут расти только в заколдованном лесу. А темный блестящий лед, который манит своим привольем, чтобы дети ушли из дома и заблудились, — на самом деле это заколдованная дорога, у которой нет конца. И зимней ночью по ней катаются ведьмочки, потому что в такую стужу ведь не полетишь на метле. Да, точно! Все это — сплошное колдовство.

Но Лисабет не соглашается быть заколдованной девочкой. И с ревом, обливаясь слезами, так и заявляет Мадикен.

И надо же такому случиться: едва они проехали следующий поворот, как впереди — что бы вы думали? — показался Аппелькюллен, и перед девочками возникли скотный двор, сараи и красный жилой дом!

Лисабет перестала плакать, ее рев смолк, точно оборвался.

— Красивое место Аппелькюллен! — говорит она с восхищением.

Мадикен с ней согласна.

— Надеюсь только, что они никуда не ушли, — говорит она. — А главное, чтобы мы застали Туре и Майю.

Туре и Майя — дети Карлссонов, и Мадикен с ними дружит, хотя они оба ужасно старые — им почти что по двадцать лет.

Девочки успели как раз вовремя. Все — и Петрус Карлссон, и тетя Карлссон, и Туре, и Майя — сидели за столом и завтракали, когда открылась дверь и на пороге возникли, словно два румяных рождественских ангелочка, Мадикен и Лисабет.

Никто не успел и рта открыть, как Лисабет выпалила:

— Нет ли у вас яиц?

Мадикен ущипнула ее. Вот дуручка! Надо же было так некстати сказать! Другое дело, если бы у них нашлось два эре, но раз денег нету, то не с того надо было начинать.

— Да что же вы, деточки! Неужто вы по морозу отправились в такую даль за яйцами? — говорит тетя Карлссон. — А сколько штук нужно вашей маме?

Тут уж Мадикен и Лисабет совсем смутились. Как теперь объяснишь, что мама их никуда не посылала? Мадикен очень зла на Лисабет за то, что она вмешалась и все испортила. Покупателей никто не сажает за стол, а приглашают тех, кто пришел в гости.

— Вообще-то мы просто пошли погулять, — говорит Мадикен.

— Да, — говорит Лисабет. — Потому что у нас нету денег. Мы пошли погулять без денег.

— Ага! — говорит Петрус Карлссон и роняет в чашку свой бутерброд. — Таким вот образом. Погодка и вправду хорошая, в самый раз, чтобы прогуляться... без денег!

— Ужас, какая хорошая! — говорит Мадикен. — Такой аппетит нагуливается!

— Понятное дело! — говорит Петрус Карлссон. — Как же иначе!

Но, кажется, он все-таки не совсем понимает. Зато тетя Карлссон оказалась куда понятливей.

— А не согласитесь ли вы покушать с нами каши? — спрашивает она.

— Спасибо, да! — отвечают Мадикен и Лисабет в один голос.

Они быстро скинули шапочки, кофты и варежки и уселись за стол быстрее, чем Майя успела поставить для них тарелки.

Карлссоны уже позавтракали, но никто не встает из-за стола, все остаются сидеть и заводят беседу с Мадикен и Лисабет.

— Так, значит, вы пошли прогуляться на свежем воздухе, — говорит, посмеиваясь, Петрус Карлссон.

У Мадикен и Лисабет рот так набит кашей, что они не могут ответить и только кивают. Тетя Карлссон подвигает им большие ломти хлеба, намазанные маслом. Девочки жуют хлеб с маслом, большими ложками наворачивают кашу. Глядя на них, сразу видно, какая нынче аппетитная погода.

— По-моему, нет ничего вкуснее каши, — говорит Мадикен. — А как по-твоему, Лисабет?

— Не-а, — отвечает Лисабет кратко и решительно.

Конечно, кто же спорит, каша — вкусная еда, сейчас тем более. Но все-таки есть на свете кое-что и повкуснее, а Лисабет всегда говорит начистоту то, что думает.

Карлссоны дружно смеются. В Аппелькюллене все смеются каким-то особенным одинаковым смешком — негромко и добродушно похохатывая.

— А что же тогда, по-твоему, самое вкусное? — спрашивает тетя Карлссон.

— Крыжовенный крем... и просто крем... и еще другой крем.

Карлссоны опять смеются.

— Крыжовенный крем, и просто крем, и еще другой крем, — говорит Петрус Карлссон. — Это же, право, страсть какая уйма крема!

Мадикен им объясняет. Из всех только она поняла, что хотела сказать Лисабет.

— Крыжовенный крем — это крем из крыжовника, а просто крем — это яблочный крем, а другой крем — это все остальные кремы.

Туре тоже смеется:

— Крыжовенный крем, и просто крем, и еще другой крем! Что же, у вас в Юнибаккене одними кремами питаются?

— Представьте себе, нет! — обиженно отвечает Лисабет. — Мы еще питаемся мороженым... Вот когда мне исполнилось пять лет, мне дали много-много мороженого. Наверно, целых пять килограммов!

— Вот это да! — удивляется тетя Карлссон. — Неужели тебе уже исполнилось пять лет? Когда же это?

— Ну что вы! Разве она помнит! — говорит Мадикен.

Лисабет бросает на нее сердитый взгляд:

— Думаешь, не знаю? Очень даже знаю!

— А знаешь, так скажи! Ну так когда же?

— В мой день рождения... Вот тебе! — говорит Лисабет и показывает Мадикен язык.

Мадикен, разумеется, не остается в долгу и тоже показывает ей язык. Но потом девочки спохватываются, что они не дома и что в гостях так себя не ведут. Поэтому они, как воспитанные люди, благодарят за угощение и, как положено, обходят хозяев по старшинству, делая книксен и подавая руку — сначала Петрусу Карлссону, потом тете Карлссон, потом Туре и Майе.

От сытости девочек немного разморило. Хорошо сидеть в кухне у Карлссонов! И совсем не хочется вылезать на мороз и тащиться домой.

— Знаете что, девочки, позвоню-ка я вашему папе, — говорит Петрус Карлссон. — У вас дома, поди, не знают, что вы отправились покупать яйца без... денег.

От этих слов девочки ужасно застыдились, и, пока Петрус Карлссон звонил по телефону, они порядком перетрусили. Мадикен стояла рядом и дергала его за рукав:

— Спросите, пожалуйста, можно ли нам побыть у вас еще немного, а то мы еще не отдохнули.

Петрус Карлссон сделал так, как она хотела, и спросил, можно ли Мадикен и Лисабет подольше побыть на хуторе.

— Потом я их к вам отвезу, — сказал дядя Карлссон.

Мадикен и Лисабет переглянулись и заулыбались.

Но вот Петрус Карлссон протягивает трубку Мадикен.

— Папа хочет поговорить с тобой, — говорит он.

— Послушай, барышня Шик-блеск! — говорит папа. — Не пора ли тебе научиться думать заранее? Что же ты опять наделала — отправилась путешествовать в такой мороз! А если бы вы обе отморозили себе носы? Что бы ты на это сказала?

После разговора с папой Мадикен долго думала над его словами. Неужели можно и вправду совсем отморозить нос? Вот ужас-то! Даже страшно вообразить: идут они себе с Лисабет как ни в чем не бывало, и вдруг — бац! — у них отвалились носы и лежат на снегу, как две смерзшиеся тряпочки! Ну что на это можно сказать? Может быть: «Прощай, мой нос...» У Мадикен мороз по коже прошел, когда она себе это представила. Вон Альбин из их класса однажды, когда учительница спросила, для чего у человека нос, ответил: «Для соплей». А что делать Мадикен и Лисабет? Вот и девай свои сопли куда хочешь, ведь носы-то

отморожены! Мадикен готова разреветься, оплакивая свой пропавший нос, но вовремя вспоминает, что носы у нее и у Лисабет пока что еще на месте. Вот счастье-то!

У Лисабет нос как раз занят делом. Она прижала его к толстой куртке Туре, которая висит на стуле.

— Как хорошо пахнет! — восклицает она. — Пахнет скотным двором. Можно, мы туда пойдем?

Туре такой же добрый и сговорчивый, как его папа.

— Конечно, можно, — отвечает он, весело посмеиваясь своим особенным смешком, так что со стороны кажется, будто бы он знает что-то хорошее, что только ему известно.

Туре ведет девочек на скотный двор и показывает им быка, и всех коровушек, и теляток. А в одном стойле, оказывается, лежит теленок, который только что родился. Он больше всех понравился девочкам. Теленок уже начал вставать на ножки, он подходит к загородке и тянется к Мадикен и Лисабет влажной мордочкой. Они протягивают к теленочку руки, он лижет им пальцы. Лисабет рассказывает ему, что скоро будет Рождество, а то он, может быть, еще и не знает.

Затем они отправляются в конюшню. Там живут четыре лошади — Титус, и Мона, и Фрейя, и Конке. Девочки не видели их с лета. Летом лошади паслись на выгоне, сейчас они в стойлах. Лошади встречают Мадикен и Лисабет тихим ржанием. Конке — самый ласковый и самый некрасивый, у него шкура какого-то странного желтоватого цвета.

— Наружность — это пустяки, — говорит Мадикен. — Главное, что ты добрый.

Девочки заходят к коню в стойло, гладят его, чистят щеткой, дают ему овса и сена. Туре стоит рядом, смотрит на них и тихонько посмеивается.

— А в каких яслях у вас тут лежал младенец Иисус?^[12] — спрашивает вдруг Лисабет.

Она думает, что только в Аппелькюллени есть конюшня и хлев.

Мадикен ей объясняет, что то случилось не здесь, а совсем в другом месте, в далекой Иудейской земле.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Лисабет.

— Знаю. Нам учительница говорила.

Но Лисабет не верит:

— А вот и нет! В моей школе сказали, что Иисус родился тут, в яслях у Конке. Конке добрый, он его не укусил, а только понюхал, чтобы узнать, кто же такой там лежит.

Мадикен поворачивает голову и осматривается в полумраке конюшни.

Вообще-то ей тоже хочется, чтобы это было правдой. Как хорошо, если бы Иисус родился в Аппелькюллене и лежал в этих яслях!

— Может быть, так оно и было, — говорит она горячо. — Мария поставила свечи во всех окнах, а Петрус Карлссон и тетя Карлссон сидят у себя в кухне и вдруг видят — что такое? Кажется, снег заблестел от света. А тетя Карлссон тогда и говорит: «Кто бы это мог быть у нас в хлеву?»

Лисабет уже знает ответ.

— А это был младенец Иисус, — говорит она. — Он лежал в яслях у Конке, и Конке его тронул носом, а Иисус засмеялся, потому что ему было приятно.

— Ну а я? Я тоже был на кухне и видел свет из конюшни? — спрашивает Туре.

— Ой, и дурачок же ты, Туре! — говорит Мадикен. — Это ведь было давно, в незапамятные времена, ты тогда еще не родился.

Пока они были в конюшне, погода на дворе совсем переменялась. Красное солнце скрылось, все небо затянула пелена облаков, и в воздухе запорхали снежинки.

— Ура! — обрадовалась Мадикен. — Будет снег!

И Мадикен не ошиблась. Снег так и повалил, укутывая своим покровом Аппелькюллен.

— В такую погоду я не могу отвезти вас домой, — сказал Петрус Карлссон. — Придется переждать, пока снег не перестанет.

— Давайте переждем, — соглашаются Мадикен и Лисабет.

Обе девочки совсем не против подождать, пока снег не перестанет. У Майи еще сохранились куклы, в которые она играла, когда была маленькая. Она их принесла и дала девочкам. Мадикен и Лисабет усадили кукол на кухонном диване, стали их раздевать и одевать, и занимались этим с большим удовольствием. А снег все валил и валил.

— Пожалуй, ехать надо на санях, — говорит Петрус Карлссон. — Вот только дождемся, чтобы кончился снегопад.

— Хорошо, — говорят девочки. — Дождемся.

Они еще поиграли в куклы. Они уже совсем освоились и чувствуют себя как дома. Вдруг тетя Карлссон, подзывает Лисабет и спрашивает:

— Послушай-ка, какой крем ты больше всего любишь — крыжовенный, просто крем или другой крем? Садитесь за стол, девочки, сейчас будем обедать!

И вот Мадикен и Лисабет пообедали. А на обед у Карлссонов было жаркое с луковым соусом и крыжовенный крем с молоком. А снег все еще валил.

— Похоже, что этому снегопаду конца не будет, — говорит Петрус Карлссон. — Придется уж как-нибудь выезжать, а то в Юнибаккене подумают, что мы вас решили украсть.

— Может быть, все-таки скоро перестанет, — говорит тетя Карлссон.

Но снег и не думает переставать и все валит, и валит, и валит на Аппелькюллен. Столбы у ворот уже покрылись пышными белыми шапками, а в воздухе так густо летают хлопья снега, что из кухни нельзя разглядеть скотный двор. Между тем уже начало смеркаться. И Петрус Карлссон сказал:

— Ну, Туре, придется тебе запрягать снегочистку, иначе мы не доедем до Юнибаккена.

И Туре идет запрягать Мону и Фрейю в снегочистку, а Петрус Карлссон запрягает в сани Титуса и Конке. Потом обеих девочек усадили в сани и укутали в шкуры, так что торчали только носы. Они даже не смогли помахать на прощанье тете Карлссон и Майе, которые смотрели из окна на их отъезд. Петрус Карлссон сел на козлы, взял вожжи, и сани тронулись вслед за снегочисткой, которой правил Туре.

— Целых четыре лошади понадобились, чтобы отвезти нас домой. Во как много! — говорит Мадикен.

— Четыре лошади и снегочистка, — говорит Лисабет. — Как на большом катании!

Девочки начинают играть, как будто у них большое санное катание. Уютно спрятавшись под шкурами, они слушают, как звенят бубенчики. И под звон четырех бубенцов Мадикен и Лисабет катят к себе домой в Юнибаккен.

— А хорошо, что мы с тобой отправились в Аппелькюллен, — говорит Мадикен.

— Ведь это надо же, как снег-то зарядил! — говорит Петрус Карлссон. — Все валит, и конца не видно.

Наверно, ему на козлах не так уютно сидится, как Мадикен и Лисабет под шкурами.

— Давай, Лисабет, споем ему песенку, чтобы ему стало повеселее, — говорит шепотом Мадикен.

Лисабет согласна.

Вот метель поднялась, налетела
На горы и доли родные... —

поют девочки рождественскую песню.

О, мирный звон...

— поет Мадикен.

О, детства сон...

— поет Лисабет,

На Севере родимом.

Но вот уже и калитка Юнибаккена.

— Смотри-ка, в окошке горят четыре свечи, — говорит Лисабет.

— Да, ты же знаешь, что это — адвент, — говорит Мадикен.

Рождество в Юнибаккене

— Ну вот! Как будто со всем управились! — говорит Альва в последний вечер перед сочельником. — Ой, как же я устала, но зато все готово!

— Все, кроме елки! — говорит Лисабет. — А елку украсят мама и папа, когда мы ляжем спать.

Мадикен не говорит ничего, она только поеживается, как от озноба. Это у нее всегда бывает, когда должно случиться что-нибудь такое замечательное, что просто уже невозможно вытерпеть.

Да, теперь уж пускай приходит Рождество, в Юнибаккене все готово к встрече. Полы намыты, из всех углов выметена пыль, на окнах висят белые крахмальные занавески, во все подсвечники вставлены свечи, кухня устлана свежими половиками, медная посуда так и сверкает по стенам, а под печным колпаком красуется в уборе из красных и зеленых бумажных фестонов жениховский жезл, один вид которого напоминает о Рождестве.

В гостиной сплошное благоухание. Тут пахнет белыми гиацинтами, которые мама подгадала вырастить так, чтобы они распустились к Рождеству. А главное — пахнет елкой, она уже стоит посередине комнаты, свежая и зеленая, и ждет, чтобы ее нарядили.

— А уж угощенья наготовлено столько, что хватит, наверно, до следующего Рождества, — говорит Альва.

Мадикен и Лисабет тоже так думают, они уже побывали в подвале и сами видели. На длинном откидном столе наставлены блюда и миски: там и окорок, и зельц, и горшочки с печеночным паштетом, и селедочный салат, и котлеты. С потолка свисают гирлянды разных сосисок и колбас, в большом кувшине стоит напиток из можжевельника, рядом — блюдо с вяленой треской, миска с сырной запеканкой, — все готово. В хлебном ларе сложены горкой домашние караваи, солодовый хлеб, лежат груды пряников и миндальных ракушек, стоят полные жестянки овсяного печенья и хвороста, — есть чем встретить Рождество.

Где-то в мире идет война, о которой на сон грядущий Мадикен рассказывает Лисабет, но Юнибаккен она не затронула, здесь даже воробьи не знают голода. Папа с вечера развесил в саду на яблонях рождественские снопы, чтобы утром, когда воробьи проснутся, у них бы тоже был праздник.

Альва заранее натаскала побольше дров, чтобы жарче горел в печи

рождественский огонь. В саду она расчистила от снега дорожки и проложила удобные тропинки к калитке и деревянному сараю и, самое главное, к реке, потому что Юльтомте приедет по льду и увидит, что для него приготовлена дорожка. В прошлое воскресенье, когда Карлссоны отвозили Мадикен и Лисабет домой, Туре дважды проехал по реке со снегочисткой. То-то Юльтомте обрадуется завтра, когда поедет сюда на санях!

Вообще это очень красиво, что Туре расчистил лед. Аббе устроил на реке ледяную карусель с салазками, и Мадикен с Лисабет очень весело на ней катаются, в особенности когда ее крутит Аббе: салазки летают так быстро, что даже голова кружится.

Но Аббе не часто может оторваться от плиты. Перед Рождеством крендельки быстро расходятся. Тетя Нильссон каждый день торгует на рынке. Чем занят дядя Нильссон, не знает никто; по крайней мере, дома он почти не бывает.

Сегодня, в канун сочельника, Мадикен попросилась сбегать в Люгнет, поглядеть, что поделывает Аббе. Ого! Подумать только — Аббе моет пол на кухне! Правда, когда прибежала Мадикен, он сразу же бросил тряпку.

— Вот, плеснул нечаянно на пол, пришлось потереть, — объясняет Аббе.

А вымыта уже половина кухни. Можно отчетливо различить, до какого места он домыл, вымытая часть совсем уже не такая черная, как невымытая. Мадикен посмотрела вокруг... Все остальное не сверкало рождественской красотой. Занавески и вышитые подзоры на полках не стираются. Все, как обычно, не так, как полагается накануне сочельника, решает Мадикен.

— А что, вы еще не наводили порядок? — спрашивает она.

Аббе смотрит на нее с изумлением:

— Это где же... не наводили порядок?

Мадикен смущается, не зная, что сказать.

— Так ведь завтра же... сочельник.

— Конечно, мы навели порядок, — говорит Аббе. — Пойдем, сама погляди.

Он ведет Мадикен в комнату напротив кухни. Там на стене висит перевернутый бумажный колпачок, из которого высовываются маленькие бородатые Юльтомте.

— Ну, что ты теперь скажешь? — спрашивает он с торжеством. — Маманя с папаней этого еще не видели. Когда увидят, они рты разинут от удивления, помани мое слово!

Но Мадикен все еще недовольна.

— А разве у вас нет елки?

— Пока живешь — надейся! — говорит Аббе. — Может быть, папаня к вечеру еще притащит, когда вернется домой. Если, конечно, не забудет. Ну а тогда я пойду утром в лес и сам срублю. Уж елочка-то у меня обязательно будет.

Тут Мадикен вспомнила свою елку, которая стоит у нее дома в Юнибаккене, и даже вздрогнула от радостного чувства.

— Ведь правда же, Рождество — это так замечательно! Да, Аббе?

— Ну да, — отвечает Аббе. — Приятно, когда в доме празднично и нарядно. Этот колпачок мне очень нравится.

Мадикен тоже понравился колпачок с бородатыми Юльтомте, но он украсил только один уголок, а надо, чтобы во всем доме было празднично. Однако Аббе не так привередлив, как Мадикен.

— А как ты думаешь, тебе подарят много подарков? — спрашивает Мадикен.

Пока живешь — надейся! — говорит Аббе. — Вопрос в том, вспомнят ли об этом папаня с маманей. А вот хочешь, я тебе сейчас покажу, что я для них купил? Только поклянись, что никому не разболтаешь!

Мадикен дает обещание. Тогда Аббе осторожно открывает гардероб. А там стоит новая керосиновая лампа с белым колпаком, должно быть, очень дорогая и красивая.

— Вот это вещь! Не то что наша старая лампочка, — говорит Аббе.

— Это рождественский подарок? — удивляется Мадикен.

— А что? Мое дело — отдать ее папке с мамкой. Пускай они сами решают — рождественский это подарок или нет, — говорит Аббе. — Цену за нее заломили такую, что закачаешься, но я все заплатил из своих заработков.

Мадикен уходит домой в задумчивости. Конечно, и лампа, и колпачок с Юльтомте — это все здорово, а все-таки ее почему-то потянуло домой. У Аббе в доме как-то не чувствуется, что завтра будет Рождество. На душе у Мадикен стало тоскливо. Вечером в постели она рассуждает об этом с Лисабет:

— Представляешь себе, если бы мы завтра проснулись, и вдруг оказывается, что это не сочельник, а, скажем, пятница?

— Тогда бы я сразу в воду, и конец! — отвечает Лисабет. Так часто говорит Альва, а Лисабет любит повторять все, что услышит.

Однако Лисабет не пришлось кидаться в воду, потому что, когда девочки проснулись, был уже сочельник. За окном стояла черная тьма, но папа пришел в детскую со свечой, а снизу уже доносились звуки пианино,

там мама играла «Вот Рождество пришло».

— Ну, вот и пришло Рождество, — говорит папа. — Счастливого Рождества, золотые мои лохматки!

— Счастливого Рождества, папочка! — закричали Мадикен и Лисабет.

Они повскакали с кроваток и побежали вниз, в гостиную. А там — елка, она вся сверкает зажженными свечами и так хороша, что Мадикен, кажется, никогда еще и не видала такой красавицы. В комнате топится печка и дивно пахнет елкой, гиацинтами и горящими дровами. Рождество и впрямь настало!

В первую минуту девочки молча замерли на пороге, но сразу ожили и ну давай на радостях скакать и плясать! Они пели и прыгали, а Сассо громко лаял. Наконец-то настало Рождество!

Потом пришла Альва и принесла кофе, и все сидели в честь Рождества у печки — мама, папа, и Альва, и Мадикен, и Лисабет — и пили кофе. Для Мадикен и Лисабет это большое событие — не каждый день можно распивать кофе, сидя у огня в ночных сорочках!

— Это потому, что сегодня Рождество, — говорит Лисабет.

— Да, — говорит Мама. — Потому что сегодня Рождество.

Мадикен опасливо поглядывает, не устала ли мама. Но все благополучно — у мамы веселый и совсем не усталый вид. Мадикен хочет, чтобы всем было весело, чтобы все радовались Рождеству, иначе не получится настоящего праздника. Поэтому, пока мама не покладая рук трудилась во время рождественской уборки, Мадикен ей напоминала:

— Только, пожалуйста, не утомись, а то будешь усталой, когда настанет Рождество! Обещаешь, мамочка?

— Ну что ты! Как это можно — быть усталой на Рождество, — говорит мама.

И вот она сидит рядом с папой и Альвой, и все трое рады Рождеству так же, как Мадикен и Лисабет. Вот хорошо-то!

Скоро за окном начинает светать. Проснулись воробьи и слетелись к рождественским снопам. Мадикен и Лисабет смотрят на них из окна столовой.

— Папа, а воробьи тоже понимают, что сегодня Рождество? — спрашивает Лисабет.

— Может быть, и нет, — говорит папа. — Зато понимают, что такое рождественские снопы.

— А вот я понимаю... Я все-все понимаю, — говорит Лисабет.

Но есть одна вещь, которой не понимают ни Лисабет, ни Мадикен: отчего это сочельник всегда такой долгий, почему он тянется вдвое дольше,

чем все остальные дни? И кто это выдумал? Мама старается сделать все, что возможно, чтобы долгие часы проходили побыстрее. Сначала она, как у них принято, отправляет Мадикен и Лисабет с рождественской корзинкой к Линус Иде, чтобы Линус Ида тоже угостилась рождественским окороком, и зельцем, и рыбным пирогом. Линус Иде надо отнести и колбасы, и паштета, и хлеба, и печенья, и яблок, и свеч. Когда мама все собрала и уложила в красную корзинку, Мадикен и Лисабет отправились по морозцу в путь.

Линус Ида живет в своем домишке одна-одинешенька, ее дочери далеко, они уехали в Америку. И вот Мадикен стоит на крыльце и заранее волнуется — вдруг окажется, что Линус Ида совсем не любит Рождества, что оно ей не в радость? Но Мадикен напрасно тревожилась. Линус Ида сидит в плетеном кресле перед очагом, она парит ноги в тазу с горячей водой, и настроение у нее прекрасное.

— Право слово, сегодня-то уж и я почувствовала, что настало Рождество! И ноженьки мои рады, что можно три дня подряд отдыхать и ровным счетом ничегошеньки не делать!

Рождественской корзине Линус Ида тоже обрадовалась. Она не утерпела и сразу попробовала немного паштета и зельца, а потом весело похлопала ладонью по гладкой толстой колбаске:

— Что же это делается-то, а? Вы надрываете, тащите мне целую корзинищу еды, а я тут расслаиваюсь, точно графиня, парю ноги и только ем за обе щеки.

Но сегодня девочкам некогда задерживаться у Линус Иды, пора бежать домой, котелок уже, наверное, вскипел, пора макать хлеб^[13].

— Счастливого Рождества, Линус Ида! — говорят девочки на прощание и уходят. Линус Ида с куском зельца в руке остается парить ноги. Как видно, это Рождество для нее и впрямь счастливое.

На дворе разгребают снег Мия и Маттис.

— Ну что, соплячки, еще захотели получить по мордасам? — закричала Маттис, едва завидев Мадикен и Лисабет. Но Мия сразу дает ей тычка:

— Заткнись хоть сегодня. Ведь Рождество же!

Мия с улыбкой оборачивается к Мадикен и Лисабет, показывая, что она знает, как надо вести себя в сочельник, и желает обоим счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества! — говорят Мадикен и Лисабет.

— Счастливого Рождества, соплячки! — говорит Маттис. — А нам с Мией выдали новые красные штаны от благотворительного общества, а

вам-то и не дали. Что, выкусили?

Но тут она получила от Мии такого тычка, что так и села на снег, а Мия еще прикрикнула:

— Заткни ты наконец глотку-то, хотя бы ради сочельника!

Мадикен и Лисабет уходят, но долго еще слышат, как позади ревет Маттис.

Время ползет, как улитка. Мадикен и Лисабет макают в котел с бульоном кусочки хлеба, не потому что вкусно, а потому что весело, собравшись всем у котла, макать в него по очереди свой кусок.

— Макать надо, потому что это тоже праздник, — говорит Мадикен.

Потом они запечатывают сургучом пакетики с подарками. На каждом они ставят большую красную печать, папа им помогает. Уже без папиной помощи Лисабет припечатала заодно собственный палец и подняла крик на всю усадьбу.

— На что этот сургуч? Лучше бы его совсем не было, — говорит она, накричавшись.

— Нет, пускай сургуч будет, — говорит Мадикен. — Без него не пахнет Рождеством.

И Мадикен объяснила сестренке, как было бы хорошо, если бы можно было собрать в банку немного сургучного запаха и сохранить вместе с другими рождественскими запахами. Потом можно было бы ее иногда открывать и целый год нюхать, пока не придет новое Рождество.

Среди пакетиков с подарками, которые приготовила Мадикен, есть один для Аббе, в нем спрятана губная гармошка. Мадикен купила ее на деньги, которые ей достались от привидения после ночного похода на пивоварню Нильссонов.

Раньше Мадикен и Аббе никогда не дарили друг другу рождественских подарков, но Мадикен очень боится, что Аббе получит мало подарков и будет огорчаться. Поэтому она и купила для него губную гармошку и, едва начало смеркаться, побежала к Нильссонам. Следом увязалась и Лисабет.

Нильссоны, как всегда, сидят на кухне, и, как всегда, дядя Нильссон лежит на диване. Но вся кухня озарена непривычным светом. На столе стоит и светится новая лампа, а еще ярче светятся глаза Аббе, когда он на нее взглядывает. Он то и дело посматривает на лампу, а на Мадикен и Лисабет даже не обращает внимания. Зато дядюшка Нильссон встретил их приветливым кивком:

— А вот и Мадикен из Юнибаккена и Пимсик!^[14]

Он с гордым видом показывает на лампу:

— Ну, как вам это? Как вам понравится великолепное приобретение

моего сына? Сколько света! Какой уют?

— Да, шикарная лампа, — говорит Мадикен.

— А загляните-ка в спальню! Как вам понравятся забавные Юльтомте, которых мой сын подвесил на стенке? А елка, которую он достал, чтобы только порадовать старика отца? Что вы о ней скажете? Аббе, Аббе! Хороший ты у меня сын!

Тетя Нильссон попивает кофе, примостившись у самой лампы. При последних словах дяди Нильссона она ставит чашку на стол и гладит сына по голове.

— Как будто он обо мне не подумал! Ведь он и ради мамочки это сделал. Да уж, правда, хороший ты у нас мальчик, Аббе!

Аббе совсем смутился от стольких похвал. Он оборачивается к Мадикен и Лисабет и говорит:

— А вы зачем пришли-то?

Мадикен вынимает руку из-за спины и протягивает ему пакет:

— Я только пришла отдать тебе рождественский подарок, Аббе!

— Мне? — спрашивает Аббе. — Подарок? Чего это ты вдруг?

Но тетя Нильссон от растерянности даже всплеснула руками:

— Рождественский подарок для Аббе! А мы-то и забыли!

Она с укором смотрит на дядю Нильссона, который возлежит на диване:

— Послушай-ка, Нильссон, что же ты не вспомнил про подарок для Аббе?

Дядя Нильссон молчит и недовольно глядит на тетю Нильссон. Наконец он обиженно говорит:

— Я, конечно же, домовладелец и хозяин усадьбы, однако сейчас у меня временные затруднения с финансами. Короче говоря, для Аббе подарка не получилось. Тебя это огорчило, Аббе?

На лице Аббе не заметно огорчения:

— Да ну, что там! У нас же есть лампа!

— И подарок от Мадикен, — напоминает Лисабет.

— Действительно, что же это я! Вот у меня и подарок от Мадикен! — говорит Аббе.

Он открывает сверток и вынимает губную гармошку. Дядя Нильссон громко восхищается:

— Губная гармошка! Вот это да! Вот это ты меня уважила! А ну-ка, Аббе, сыграй что-нибудь хорошенькое, порадуй своего старенького папочку!

Гармошка не из дорогих и шикарных, но Аббе такой умелец, что у него

она заиграла разные мелодии. Подсев к лампе, он почти без ошибок сыграл «Вот настало Рождество». Видно, как он доволен. Потом он заиграл «Дом, родной дом», а дядя Нильссон прослезился, потому что для него эта песня — самая лучшая на свете.

Мадикен и Лисабет ушли от них довольные.

— Как они веселятся и радуются! — говорит Лисабет.

— Как же им не веселиться, — говорит Мадикен, — вон какая у них замечательная лампа, нам бы тоже такую!

Между тем настал вечер — наконец-то настал, и Юнибаккен заблистал всеми рождественскими огнями.

— Это чтобы Юльтомте не заблудился в потемках, — решила Лисабет.

Юльтомте можно ждать только после семи часов вечера, так он сам сказал по телефону, рассказывает девочкам папа. Если бы он пришел сейчас, его тоже позвали бы на кухню. На широком кухонном столе Альва выставила все богатства, какие только есть в Юнибаккене: тут тебе и окорок, и рисовая каша, и вяленая треска, и колбасы, и котлеты, и селедочный салат, и много чего еще.

Мадикен и Лисабет насчитали целых двадцать мисок и блюд. Обе девочки до того возбуждены, что им никак не усидеть на месте. Жар от многих свечей разругал им щечки, они трещат без умолку, хохочут, резвятся, как жеребята, и к еде почти не притрагиваются.

Но вот папа зажег елку, мама села за пианино, и девочки сразу перестали шалить. Сейчас они споют все рождественские песни, вот это и есть самое настоящее Рождество.

Ты нам свети, звезда,
На суше и на море.

У Мадикен от нестерпимого счастья даже сердце заныло. Ей кажется, что, когда поешь, свечи горят ярче, и сама она становится добрее и лучше, ей хочется просить прощения у Лисабет за все, только вот за что, она никак не может вспомнить.

Не успела Мадикен об этом подумать, как вдруг папа уже зовет:

— А ну-ка, живо пошли одеваться, Юльтомте вот-вот приедет!

Все вместе — и мама, и папа, и Альва, и Мадикен, и Лисабет — гурьбой выбегают на крыльцо.

На дворе совсем темно, только белеет снег под ногами и на деревьях, а над крышами Юнибаккена светят в небесах яркие звезды.

Мадикен и Лисабет, взявшись за руки, побежали по тропинке к реке. Кругом стоит тишина, но издали доносится звон бубенчиков — едет, едет Юльтомте! Девочки стоят среди снегов и ночного мрака и слушают, как приближается звон бубенцов, от напряженного ожидания их немного познабливает, и они крепко прижимаются к маме. Вот вспыхнул за излучиной отблеск горящего факела, сполохи света пробежали по снегу, показались лошадка и сани — приехал Юльтомте! Лошадка весело трусит к мосткам, а в санях сидит он сам — с белой бородой, в красной островерхой шапке.

— Тпрру! — говорит Юльтомте и останавливается перед Мадикен и Лисабет.

Девочки от волнения молчат и не могут сказать ни слова. Обе восхищенно глядят на гостя круглыми глазами. И на лошадку тоже глядят: она так себе, совсем неказистая лошаденка, и в точности похожа на Конке из Аппелькюллена. Как странно, что нашлась на свете другая такая же желтенькая и некрасивая лошаденка... только что у Конке нет черной кисточки на лбу.

— Есть ли у вас тут хорошие дети? — спрашивает гость с таким добродушным и застенчивым выражением, какое всегда бывает у Туре из Аппелькюллена.

— Есть ли у нас хорошие дети? — повторяет папа. — А как же! У нас тут есть Мадикен и Лисабет — очень хорошие и добрые девочки!

— Ну, тогда вот вам — получайте! — говорит Юльтомте и достает из саней мешок. — Желаю счастливого Рождества! — говорит Юльтомте на прощание голосом, в котором сквозит как будто смущение.

— Счастливого Рождества! — кричат ему Мадикен, и Лисабет, и мама, и папа, и Альва.

— Счастливого Рождества вам еще раз! — отвечает им Юльтомте.

Он хлопает кнутом, сани поворачивают и едут в обратную сторону той дорогой, которая ведет к Аппелькюллenu.

Обитатели Юнибаккена постояли на мостках, глядя им вслед, пока не смолкли вдали бубенчики. Затем папа и Альва подхватили вдвоем мешок и понесли в дом.

Сочельник — очень долгий день, но все-таки и он когда-то кончается. Догорели свечи, все разобрали свои подарки, вволю нащелкались орехов, наелись яблок и леденцов и наплясались вокруг елки так, что уже больше и не хочется. И тут вдруг Мадикен закрывает лицо руками и разражается душераздирающими рыданиями:

— Ах, мамочка! Уже все кончилось! Ну как же так! Кончилось — и

все!

Но потом, лежа в постели и разложив рядом рождественские подарки, Мадикен радостно вспоминает, что скоро опять будет утро и новый день, и она будет читать рождественские книжки, и покатается на новых лыжах, и поиграет с новой куклой в матросском платье, которую зовут Кайса.

Лисабет тоже получила в подарок новую куклу, маленького матросика, и назвала его Аббе. Сейчас Аббе лежит с ней в постели.

— Ты, Аббе, у нас хороший мальчик, — говорит Лисабет и гладит его по головке. Некоторое время Лисабет лежит молча и размышляет, наконец она задумчиво говорит: — Верно, что я домовладелец и хозяин усадьбы, и поэтому для Аббе не получилось подарка. Но уж на следующий год, — говорит Лисабет, поглаживая Аббе по головке, — на следующий год ты категорически получишь целый мешок. Во всяком случае, если у меня все будет хорошо с финансами.

Иосиф в колодце

Зима кончается, и скоро начнется весна. Мадикен и Лисабет стараются помочь весне, чтобы она скорее приходила. В тех местах, где особенно пригревает солнышко, земля уже освободилась от снега, но на северной стороне еще лежат сугробы. Мадикен и Лисабет надоело на них смотреть. Вооружившись лопатками, девочки нещадно воюют с ними и, чтобы они скорее растаяли, кидают комья снега в бочку для дождевой воды, которая стоит возле кухни.

И вдруг наступила весна. Повсюду среди берез просунулись пушистенькие ростки фиалок. Мадикен и Лисабет каждый день ползают на коленках, чтобы увидеть, насколько они уже выросли. В птичьих домиках, которые папа навешал по всему саду, поселились скворцы, и по утрам Мадикен и Лисабет просыпаются под пение птиц. Вода в реке поднялась и затопила мостки. Девочек даже близко не подпускают к реке. Пока туда нельзя, Мадикен и Лисабет играют в «классики» на садовых дорожках и в «школу мячиков» возле сарая.

Но Мадикен так занята, что ей некогда все время прыгать и играть в мячик, ей задают очень много уроков, и после школы приходится подолгу читать, писать, решать примеры. Иногда она занимается целый час. Мадикен это кажется чересчур — обидно тратить зря столько времени на уроки. Читать вслух она умеет так хорошо, что одно удовольствие ее послушать. Зато с правописанием дело обстоит похуже, а уж с арифметикой — из рук вон плохо.

Иногда Мадикен учит уроки у Альвы на кухне. А Лисабет усаживается в дровяном чулане и играет, как будто она Альва и ей надо чистить рыбу. Она берет полешко и скребет по нему кухонным ножом, вокруг сыплются кусочки коры, а Лисабет ворчит себе под нос, что чешуя больно крепкая, совсем как, бывает, ворчит и Альва.

Лисабет может всласть веселиться, и она жалеет бедную Мадикен, которая замучилась, подолгу просиживая над примерами. Видать, арифметика — очень трудная наука. Папа старается подтянуть свою первоклассницу и занимается с ней устным счетом. И Лисабет, беря пример с папы, тоже придумывает для Мадикен задачки поинтереснее.

— Мадикен! — говорит Лисабет из чулана. — Сосчитай-ка: всего было десять мальчиков, а одному сделали операцию. Сколько тогда останется мальчиков?

Вместо благодарности за такую помощь Мадикен только фыркает на задачку, которую придумала Лисабет:

— Ой, отстань! Не видишь, что ли, что я решаю примеры!

Но Альва хохочет. Ей нравится, как Лисабет учит свою старшую сестру арифметике. Альва и сама задает ей задачки.

— Смотри-ка, вот если я снесу на диван семнадцать яиц, а потом пяток возьму... — начинает Альва, но Мадикен начинает хохотать во все горло:

— Ха-ха-ха! Разве ты умеешь нести яйца, Альва? Зачем же мы их тогда покупаем в Аппелькюллене?

Лисабет тоже захлебывается от смеха:

— Ха-ха-ха! Альва несет яйца! Нам не надо больше покупать яйца в Аппелькюллене! Ой, не могу, пойду расскажу маме!

Девочки еще долго дразнятся, упрашивая Альву снести побольше яиц, потому что скоро уже будет Пасха.

Альва больше не пытается придумывать задачки для Мадикен.

Зато она проверяет у Мадикен Закон Божий. Этот предмет хорошо дается Мадикен. От Линус Иды Мадикен уже знает так много из Библии, что в школе ее часто хвалят.

И все-таки Линус Ида, по-видимому, не все еще рассказала. Однажды перед самой Пасхой Мадикен пришла из школы вся зареванная и сразу бросилась маме на шею.

— Мамочка, — рыдает она, — если бы ты знала, какую подлость они сделали с Иосифом!

Не сразу мама поняла, что речь идет о библейском Иосифе^[15]. Мадикен так рыдала, что еле могла говорить:

— Ты только подумай, бывают же такие скверные люди, как братья Иосифа! Ты только подумай, они родного брата бросили в колодец и продали в рабство, а сами пошли домой и сказали бедному папе, что Иосифа сожрали дикие звери!

— Но ведь потом для Иосифа все кончилось хорошо, — утешает мама Мадикен. — И с папой он снова встретился. Ты же знаешь, как это было?

Мадикен знает, но никак не может утешиться. Целый день до самого вечера она прогоревала об Иосифе, и только на ночь глядя немного успокоилась и, перед сном, когда они с Лисабет лежали в постели, рассказала ей, как это было.

— Представляешь себе, Лисабет... представляешь себе, чтобы родного брата взять и продать в рабство!

— А что такое рабство? — спрашивает Лисабет.

— В рабстве человек все время только работает, и работает, и работает,

и тогда он называется — раб.

— Значит, наш папа тоже раб? — догадывается Лисабет.

— Да нет же! Никакой он не раб!

— А вот и да! Он же все время работает, работает, работает, — говорит Лисабет.

— Да ну тебя! Ничего ты не понимаешь, — говорит Мадикен. — Рабов бьют кнутом. Когда они перестанут работать, их сразу бьют.

— Хочешь, я попрошу в Аппелькюллене кнут и немножечко побью папу, так, чтобы совсем не больно? Тогда он тоже будет рабом, — говорит Лисабет. Ей рабство показалось очень интересной штукой. С тем она и уснула.

А Мадикен еще долго не спала и все думала об Иосифе — как родные братья продали его в рабство.

Потом настала Пасха. Вокруг Юнибаккена зацвели белые и желтые нарциссы и крокусы, на березах распустились зеленые листочки, у Мадикен начались пасхальные каникулы, а Майя из Аппелькюллена принесла пять дюжин яиц, потому что Альва так и не согласилась снести хотя бы одно яичко. Мадикен и Лисабет считают, что Пасха почти такой же хороший праздник, как Рождество. Очень интересно вместо белых яиц есть красные, синие и зеленые. Мадикен, Лисабет и папа старательно красят яйца. Интересно тоже получать поздравительные открытки. От бабушки и от кузин приходят по почте такие красивенькие, с пушистыми цыплятками и чудными нарциссами. Ну, а уж самое интересное — это, конечно, пасхальный заяц. Он прибегает ночью и, пока все спят, прячет в траве под окошком детской маленькие марципановые яички. В этом году он придумал кое-что еще. Под кустом ракитника он оставил два пакетика. На одном было написано «Для Мадикен», на другом — «Для Лисабет». В каждом лежал мальчик, сделанный из шоколада, — настоящая шоколадная куколка, такой прелести Мадикен и Лисабет никогда еще не видывали.

Мадикен назвала своего шоколадного мальчика Йеркером, а Лисабет своего — Сверкером. Весь первый день Пасхи девочки играли с Йеркером и Сверкером и ни разу даже не лизнули.

— Я буду беречь Йеркера всю свою жизнь, — сказала Мадикен. — Никогда в жизни я его не съем.

А Лисабет сказала:

— Я буду беречь Сверкера, сколько получится.

На второй день Пасхи Лисабет как-то осталась играть в детской, а Мадикен в это время сидела на кухне и играла с Альвой в игру «лиса и гуси». Посреди игры вдруг открывается дверь и входит Лисабет, вся

перемазанная шоколадом, и невозмутимо заявляет:

— А я сейчас съела Сверкера.

— Ну как ты могла? Ты же съела своего ребенка! — возмущается Мадикен со слезами в голосе.

Лисабет кивает:

— Вот именно. Совсем как свинья у Карлссонов. Помнишь, она тоже съела своих детей, всех девятих!

Мадикен возмущена ужасным поступком Лисабет:

— Но ты-то ведь не свинья. Тебе совсем не к лицу поступать так по-свински!

— И так бывает. Загадываешь одно, а получается другое, — отвечает Лисабет любимым присловьем Альвы. — Но сделанного не вернешь, — заканчивает она и кивает, очень довольная собой.

Жалеть она начинает на следующий день, когда Мадикен с утра принимается у нее на глазах играть с Йеркером. Скорее всего, она жалеет не столько о том, что погиб Сверкер, сколько о том, что Йеркер по-прежнему цел и невредим.

— Знаешь что, Мадикен, — говорит Лисабет лукаво. — Возьми-ка и съешь Йеркера!

Мадикен качает головой:

— Никогда в жизни! Ни за что!

Она устраивает Йеркеру постельку в ящичке из-под сигар. Делает ему там матрасик из ваты, а вместо одеяла кладет голубенький шелковый лоскуток. Мадикен так возится с Йеркером, так интересно с ним играет! Лисабет все больше жалеет о своем Сверкере, и в конце концов она, склонив голову на плечо, принимается канючить, чтобы Мадикен разрешила ей поиграть с Йеркером.

— Ну, можно мне хоть немножечко? Ну, хоть один разочек?

— И разочек не дам! — говорит Мадикен.

— А сколько разочков дашь? — спрашивает Лисабет.

— Ни одного не дам. Выкусила? — говорит Мадикен. — Не надо было Сверкера съедать!

Мадикен укладывает Йеркера в постельку, укрывает шелковым одеяльцем и ставит вместе с кроваткой в кукольный домик.

Скоро кончаются пасхальные каникулы. Мадикен снова ходит в школу, а Лисабет все утро одна хозяйничает в детской.

В один прекрасный день Мадикен приходит домой и в ящичке из-под сигар, который стоит в кукольном домике, обнаруживает — ну, что бы вы думали? — обнаруживает, что под шелковым одеяльцем Йеркера нет. От

Йеркера осталось только жалкое безголовое туловище... Тут раздался такой яростный вопль, что содрогнулась вся усадьба. Примчалась перепуганная мама, она уж было подумала, что с Мадикен стряслось что-то ужасное. Но оказалось, что Мадикен лежит на кровати, уткнувшись в подушку, и орет благим матом:

— Лисабет откусила голову Йеркеру! У-у-у!

Лисабет гуляла в саду с Сассо. Ее позвали домой, к мама строго спросила:

— Ты откусила голову Йеркеру?

Лисабет поглядела направо, поглядела налево, потом подняла глаза и, глядя прямо перед собой, сказала:

— Может быть... и съела. Я уже не помню.

Тут Мадикен взвыла еще громче, а мама принялась бранить Лисабет. Кончив бранить, она сказала:

— А теперь, Лисабет, попроси у Мадикен прощения!

Лисабет стала столбом и молчит, точно в рот воды набрала.

— Ну! — говорит мама.

— А чего? — спрашивает Лисабет.

— Проси прощения у Мадикен!

— Категорически не буду! — говорит Лисабет упрямо и поджимает губы, как всегда, когда она заартачится.

Мама старается ей растолковать, как плохо она поступила, и Лисабет прекрасно все понимает, но прощения просить не желает — и все тут. «Да и какой от этого толк, — думает Мадикен. — Ведь Йеркеру не вернешь голову!»

Поплакав еще немного, Мадикен грустно доедает то, что осталось от Йеркера. Лисабет стоит рядом и без зазрения совести выклянчивает кусочек:

— Ну дай мне тоже хоть немножечко!

— Противная девчонка! — говорит Мадикен.

Но она — не жадная, Лисабет получает одну ногу Йеркера, а после они вместе отправляются играть в сад.

— Пойдем посмотрим гнездышко, — говорит Мадикен.

Лисабет с радостью соглашается. Гнездышко прячется на одной из яблонь в саду Нильссонов. Аббе недавно показал его девочкам.

Мадикен и Лисабет полюбовались на хорошенькие голубенькие яички, но руками не трогали.

Под яблоней находится заброшенный колодец. Он давно стоит пустой, и воды в нем нет. Мадикен поднимет ветхую крышку и заглядывает вниз. И

тут ее в мгновение ока осенило:

— Я знаю, что нам делать! У нас будет игра «Иосиф в колодце»!

Лисабет захлопала в ладоши:

— Можно, Иосифом буду я?

Мадикен немного подумала. Вообще-то она сама хотела быть Иосифом, но, поразмыслив, поняла, что Лисабет не сумеет сыграть всех сразу: и работорговца, и вредных братьев Иосифа.

— Хорошо, — говорит Мадикен. — Пускай ты будешь Иосифом.

Мадикен быстренько сбегала за пивоварню, принесла маленькую лесенку и опустила в колодец, чтобы Лисабет могла по ней спуститься на дно. Колодец совсем неглубокий, и Лисабет нисколько не боится, ей, наоборот, очень весело и не терпится поиграть. Затем Мадикен вытаскивает лестницу из колодца. То-то интересная будет игра! Сидя на краю колодца, Мадикен глядит сверху на Лисабет, но видит там не ее, а бедного Иосифа, которого хотят продать в рабство в чужую страну. Ой, как же Мадикен его жалеет! Но сейчас она не Мадикен, а злые братья Иосифа, поэтому она говорит:

— Ну что, Иосиф, выкусил? Вот мы сейчас продадим тебя первому встречному работорговцу, и до свиданья! Потому что так тебе и надо!

Лисабет правильно исполняет свою роль:

— Ха-ха-ха! А папа вас выпорет, когда вернетесь домой.

— Жди, как же! — говорит Мадикен. — Мы ему наплетем, что тебя съели дикие звери!

Она сама дрожит, говоря такие слова, но ведь это она не от себя сказала, а за вредных братьев Иосифа!

И вдруг Лисабет спрашивает:

— Неужели Иосифу совсем ничего не давали есть, когда он сидел в колодце?

— Не знаю, — говорит Мадикен, — может быть.

Вообще-то Лисабет здорово придумала. Наверное, это очень интересно, сидя на краю колодца, кидать еду Иосифу. Поэтому Мадикен говорит:

— Ты тут подожди, Лисабет. Я сейчас сбегаяю и принесу тебе бутерброд.

Лисабет волей-неволей ничего не остается другого, как сидеть и ждать. Без лестницы ей самой не выбраться из колодца.

Мадикен сначала идет в кладовку и делает два бутерброда с колбасой — себе и Лисабет. Потом она бежит вверх в детскую, достает карандаш и кусочек картона и пишет на картоне большими буквами:

Прадаеца хорошинький малинький раб

Нечаянно ее взгляд падает на опустевший ящичек из-под сигар. При этом печальном зрелище Мадикен вспоминает, как было хорошо, когда в нем лежал шоколадный пупсик. Теперь его больше нету... А все по вине дурочки Лисабет! И Мадикен вдруг снова рассердилась на нее и ясно поняла, что и не думала ее за это прощать.

Все такая же сердитая, Мадикен возвращается к колодцу. Но Лисабет еще ничего не знает. Она-то думает, что пришли вредные братья Иосифа, а с ними она разговаривает заносчиво.

— Что же это такое — засадили человека в колодец, есть не дают! Помирать мне тут, что ли? — кричит она.

Мадикен еще больше возмутилась. Сейчас она не играет. «У-у, какая эта Лисабет, хуже всякой свиньи!» — думает Мадикен.

— Вот и сиди тут, пока не попросишь прощения за то, что откусила голову Йеркеру! — говорит Мадикен.

Лисабет поднимает голову и смотрит со дна колодца на Мадикен. Она обижена до глубины души. Она же — Иосиф, а он ни у каких пупсов головы не откусывал! И что это Мадикен мелет какую-то ерунду?

— Каттегоритчески! Не буду просить прощения! — говорит Лисабет.

— Противная девчонка! — бросает Мадикен и вдруг замечает у себя в руке кусок картона, на котором написано «Прадаеца хорошинький малинький раб».

— Вот возьму и продам тебя в рабство по-настоящему, — говорит Мадикен. — Точь-в-точь как Иосифа. Ну что? Будешь теперь просить прощения или нет?

— Не-а! Каттегоритчески не попрошу, — говорит Лисабет и поджимает губы.

Мадикен ее дурацкое упорство приводит в бешенство.

— Ну и сиди тогда! — говорит она и швыряет Лисабет бутерброд. — На тебе, лопай, а то, как попадешь в рабство, тебе уже никогда не дадут есть, так и знай!

Лисабет поднимает вой, но просить прощения все равно не хочет. Мадикен постояла немного, дожидаясь, чтобы Лисабет опомнилась, но та ведь упряма как осел. Она воет, но не сдается. Тогда Мадикен насаживает картонку на палочку, а палочку втыкает в траву возле колодца. Теперь возле колодца красуется объявление с ужасными словами: «Прадаеца

хорошинький малинький раб». Любой работорговец, проходя мимо, непременно должен его заметить.

— Как хочешь, — говорит Мадикен. — Ты сама виновата, — и быстро уходит, чтобы не слышать диких воплей Лисабет.

Жуя бутерброд, она бредет к реке. Вода в ней спала, а на мостках лежит удочка. Мадикен насаживает на крючок кусочек колбасы и садится удить рыбу. В воде целыми стаями снуют маленькие окуньки, но, как видно, они не признают колбасы: ни один и не думает клевать. Однако это так увлекательно, что Мадикен совсем забывает про Лисабет. Когда же наконец она о ней вспомнила, то ужасно испугалась. Всю злость точно рукой сняло. Мадикен кидает удочку и со всех ног мчится к колодцу. Еще издали она начинает кричать:

— Лисабет, я уже иду! Ты не расстраивайся!

Почему-то ей никто не отвечает, все кругом тихо, не слышно ни криков, ни плача. Лисабет нигде не видно! Она пропала. В колодце пусто. Но объявление по-прежнему там, где Мадикен его оставила, на нем красуется та же надпись: «Прадаеца хорошинький малинький раб», но внизу что-то приписано синими чернилами:

Прадаеца
хорошинький малинький раб
Я купил этого раба за пять эре.

Исидор — злой басурман и работорговец

Бедная Мадикен! Отчего она не провалилась тут же на веки вечные под землю! Что же она наделала... Господи, сделай, чтобы это оказалось неправдой... Ведь она продала в рабство родную сестру! На краю колодца действительно лежит монетка в пять эре. О, Мадикен хуже, чем были братья Иосифа, они хоть продали его за порядочные деньги! Пять эре — это как раз столько, сколько стоят пять леденцов или пять булочек. И за какой-то жалкий пятак она продала всю Лисабет! Мадикен даже застонала от горя... О, что же она натворила! Бедная Лисабет! Ведь Мадикен хотела ее только попугать. Кто же мог подумать, что работорговец уже тут как тут! Наверняка эти злодеи издали чуют, если где-нибудь предлагают купить маленького раба!

Мадикен сидит на краю колодца и тихо скулит. Перед ее глазами проходят страшные видения. Бедная Лисабет! Вот к ней пришел работорговец и заставляет ее работать, а Лисабет, конечно же, отвечает ему:

«Категорически не буду!» И тогда он берется за кнут. Ой, бедная Лисабет, и Мадикен тоже бедная! Зачем только она продала сестренку! И бедная мама, и бедный папа! Остались они без обеих девочек, потому что Мадикен тоже нельзя вернуться. Не может она прийти и рассказать, как за пятак продала Лисабет какому-то басурману и работоторговцу. Нет, ни за что! Лучше уж убежать в лес и скрываться там, как Робин Гуд.

Противный пятак все еще лежит на краю колодца. Мадикен хватается его и, вскрикнув, швыряет в колодец, а сама, громко рыдая, вылетает за калитку. Теперь ей надо бежать в лес, пока дома никто из близких не узнал, какой ужас она совершила. Скоро наступит ночь. Разве у нее хватит храбрости оставаться одной среди леса? Неужели на всем белом свете нигде не найдется пристанища для девочки, которая продала в рабство родную сестру?.. А если у Линус Иды? Линус Ида такая добрая! Может быть, она приютит у себя Мадикен и позволит ей спать у себя на полу и питаться черствыми корочками? Мадикен на все согласна, только бы не жить, скрываясь, в лесу. Да, у нее последняя надежда на Линус Иду!

Линус Ида даже отшатнулась при виде Мадикен, которая ворвалась к ней, обливаясь слезами и икая от рыданий.

— Право слово, ты влетела так, точно по пятам за тобой гонится полиция, — говорит Линус Ида. — Что же это у тебя случилось?

Мадикен смотрит на нее как безумная. Полиция! Линус Ида заговорила про полицию! Наверняка за торговлю рабами людей наказывают. Наверное, как только станет известно, что она сделала, за ней придет полиция и ее заберут!

Вскрикнув сдавленным голосом, Мадикен кидается перед Линус Идой на колени и обнимает ее ноги.

— Милая, добрая Ида, — сквозь всхлипывания говорит Мадикен, — ты оставишь меня у себя, позволишь мне спать на полу и питаться черствыми корочками?

— Питаться корочками... что это ты такое несусветное городишь? — говорит изумленная Линус Ида. — Да что же с тобой делается, деточка моя хорошая? Неужто в Юнибаккене какая-нибудь беда?

Беда в Юнибаккене! Мадикен отчаянно зарыдала. Ах, если бы Линус Ида знала, она бы поняла, что в Юнибаккене такая беда, от которой невозможно никакое спасение!

— Ну, может быть, ты мне расскажешь, в чем дело? — говорит Линус Ида.

Мадикен не знает, куда деваться от стыда за свое преступление. Она никак не может заставить себя рассказать Иде о том, как она занялась

работоторговлей. Но в конце концов после долгих уговоров Линус Ида добилась от нее признания: случилось нечто такое кошмарное, такое ужасное, что Мадикен никогда больше не посмеет вернуться в Юнибаккен.

Линус Ида озабоченно качает головой:

— Право слово, что бы ты там ни сделала, тебе все-таки незачем спать на полу и питаться черствыми корками!

Линус Ида поднимает Мадикен, укладывает ее на своей кровати и потеплее укутывает одеялом.

— Поспи-ка ты лучше, — говорит Линус Ида. — Сон — лекарство от всех бед.

И не успела она это сказать, как Мадикен сразу уснула. Утомительное это занятие — работоторговля. Линус Ида смотрит на Мадикен. На щечках у нее — дорожки от высохших слез, а личико такое бледное, что ресницы кажутся совсем черными.

— Бедняжечка ты моя, — бормочет Линус Ида. — Спи, маленькая, а я покамест сбегая-ка в Юнибаккен.

...Немножко поспав, Мадикен внезапно просыпается, как от толчка. Сначала она не может понять, куда попала, но потом замечает у себя над головой картинку с рекой из пролитой водки и с извергающимся вулканом. Тут она все поняла и сразу вспомнила, почему здесь оказалась. Ах, зачем она только проснулась? И куда девалась Линус Ида? У Мадикен появляется страшное подозрение: неужели Линус Ида пошла за полицией? Может быть, по закону нельзя укрывать преступников? Уж на что Линус Ида добрая, однако вряд ли ей захочется попасть из-за Мадикен в тюрьму. Да, наверное, она пошла за полицией!

Сейчас они придут и заберут Мадикен... Мадикен слышит шаги на крыльце и слышит, как Линус Ида с кем-то разговаривает.

— Заходи, не бойся, — говорит Линус Ида.

Распухшими от слез глазами Мадикен уставилась на дверь... Помогите! Ой, мамочка, помоги!.. Нет, ни от мамы, ни от папы ей больше никогда нельзя будет ждать помощи, ведь это она продала в рабство Лисабет, и теперь за ней в любую минуту могут прийти полицейские и забрать в тюрьму. Вот они уже пришли... Сейчас войдут!

Дверь отворяется, кто-то входит, вот он уже на пороге. Но вместо могучего полицейского на пороге показывается совсем маленький человечек. Лисабет! Мадикен смотрит на нее расширенными глазами — она! Лисабет! Неужели же это правда? Всклипнув, Мадикен протягивает к ней руки, ей хочется потрогать Лисабет, обнять ее, увериться, что это действительно она. Мадикен хочет прижать ее к себе крепко-крепко. Ах!

Как же она ее сильно любит!

Полная раскаяния и любви, Мадикен жадно протягивает к ней руки, и Лисабет устремляется в ее объятия. Но, подбежав к Мадикен, она ее толкает кулачком:

— Подвинься-ка, я тоже хочу посмотреть на водочную реку, ты без меня уже насмотрелась!

Лисабет вскарабкивается повыше, встает на коленки и принимается разглядывать водочную реку и извергающийся вулкан. А Мадикен смотрит только на Лисабет, все время только на нее.

— Ты что, убежала, что ли, от работорговца? — спрашивает она смущенно, в душе гордясь своей сестренкой. Подумать только, до чего же та храбрая!

— Какой там работорговец, — говорит Лисабет. — Да ну его! Мы ведь уже в это не играем. А мне Аббе дал сладкого кренделька. Что, выкусила? Тебе-то не дали!

Мадикен глядит на нее во все глаза.

— Аббе! Так это Аббе выпустил тебя из колодца?

Лисабет не сводит глаз с водочной реки, она почти и не слышит, что ей говорит Мадикен.

— В жизни не видала лучшей картины! — уверяет она сестру.

— Так это был Аббе? — повторяет Мадикен свой вопрос.

— Ну да, конечно! И я съела кренделек, вот... А знаешь что, Мадикен? Если бы я свалилась в водочную реку, я бы поплыла пятью разными способами и выплыла бы, Ты же знаешь, что я уже научилась плавать пятью способами?

— Знаю, — говорит Мадикен. — Ты, Лисабет, у нас молодец, а вот Аббе — жулик!

Над Юнибаккеном опустился вечер. Уснул красный дом над рекой. Солнце только что зашло. Среди берез сгущаются сумерки — голубоватые сумерки, ведь сейчас весна. Нарциссы так и светятся белизной и пахнут так душисто. Березки, облаченные в прозрачные зеленые покрывала, стоят во всей красе под ясным весенним небом, которое дышит прохладой. Кругом тишина. Только что воздух еще звенел от птичьих голосов, и вот уже все птички уснули, спрятавшись по гнездышкам и скворечням.

Но какие-то звуки раздаются в этой тишине. За стенами красного дома поют несколько голосов. И вот что они поют:

Вечер прекрасный,
Мирный покой.

Если встать под окном детской, можно послушать пение. Так и есть, там кто-то стоит. Худощавый парнишка с лохматой нестриженной головой, которая белеет в темноте, слушает, притаившись за кустом ракитника. Не однажды он уже приходил сюда постоять под окном. Аббе любит пение. Никто не знает, что он тут прячется. Он скоро уйдет, осторожно ступая на цыпочках, чтобы не передавить нарциссы. Высокородный граф Аббе, басурман и работорговец — очень добрый мальчик.

Вечер прекрасный,
Мирный покой...

Лисабет еще продолжает петь, хотя мама и папа уже пожелали девочкам спокойной ночи и затворили за собой дверь. Но вдруг она замолкает.

— Мадикен, — говорит Лисабет, — можно, я приду к тебе полежать?

— Можно, приходи, — говорит Мадикен.

Лисабет быстро перебегает холодными ножонками расстояние между кроватками.

— Можно, я прилягу к тебе на плечо? — спрашивает Лисабет.

— Можно. Ложись, пожалуйста. Конечно, можно, если ты хочешь!

«Ах, как все прекрасно!» — думает Мадикен. Как она счастлива! Потому что Лисабет лежит рядом, потому что ее сестренка здесь, в Юнибаккене, а не где-то там во власти подлого работорговца.

Мадикен крепко обнимает маленькую Лисабет.

— Лисабет! Ты никогда, никогда не покидай меня!

— Нет, — обещает Лисабет. — Никогда я не расстанусь с тобой. Главное, что мы с тобой в конце концов опять встретились.

Весеннее небо за окном понемногу меркнет. Темно стало по углам детской, но это ведь привычная темнота, и им тут хорошо.

— Мадикен, — говорит Лисабет, прижимаясь к Мадикен озябшими ножками, — Расскажи мне про привидения, убийц и про войну!

Примечания

Юнибаккен (шв.) — дословно: Июнь-горка.

В Библии о рождении пророка Моисея рассказывается так: египетский фараон, считая, что народ сынов Израилевых многочисленнее и сильнее египтян, повелел всякого новорожденного у евреев сына бросать в реку. Мать младенца Моисея три месяца укрывала его от глаз фараоновых слуг, «но, не могши долее скрывать его, взяла корзинку из тростника, и осмолила ее асфальтом и смолою, и положила в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки...». И когда дочь фараонова вышла на реку мыться, она увидела корзинку среди тростника и послала свою рабыню взять ее. Открыла и увидела плачущего младенца; она сжалилась над ним и взяла его себе вместо сына.

Люгнет (шв.) — буквально: отдохновение, спокойствие.

Йон Блунд — волшебный персонаж шведского и шведоязычного фольклора. Он, как и датский Оле-Лукойе, навевает сны детям.

В Библии сказано: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку».

Густав V Адольф (1858–1950), с 1907 года — король Швеции.

Старинный обычай провинции Смоланд, откуда родом А. Линдгрэн.

Юльтомте — сказочный добрый рождественский гость вроде Деда Мороза или Санта-Клауса, который приносит всем подарки.

В Швеции принято за четыре недели до Рождества отмечать его приближение. В первое воскресенье зажигают одну свечу, во второе — две, в последнее — четыре.

Аппельшё — буквально: Яблоневое озеро (шв.).

Аппелькюллен — буквально: Яблоневый холм (шв). Так называется хутор, на котором живут Карлссоны.

В Евангелии говорится, что Мария своего сына спеленала и «положила его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

Тоже один из рождественских обычаев — макать хлеб в бульон, в котором варился окорок.

Пимс — ласковое обращение к маленькому ребенку, в смысле — крошка, карапуз, пупс.

В Библии рассказывается, что Иосиф был у отца любимым сыном, за это его возненавидели завистливые братья. Однажды, когда они были на пастбище, братья бросили Иосифа в пустой ров, а потом продали его в рабство чужеземным купцам.